

всепи́рная исто́рия в ро́манах

Виталий ГЛАДКИЙ

КОЛЫБЕЛЬ БОГОВ

Всемирная история в романах

Виталий Гладкий

Колыбель богов

«ВЕЧЕ»

2018

Гладкий В. Д.

Колыбель богов / В. Д. Гладкий — «ВЕЧЕ», 2018 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-7761-4

II тысячелетие до н. э. Древнее государство на острове Крит, где, по преданию, родился великий бог Зевс, находится на пике своего могущества, но сильные государства не защищены от внезапной и стремительной гибели. Не помогут даже боги, которые должны беречь свою «колыбель»... Юный критянин Даро, потомственный мореплаватель, оказывается на острие событий, предшествовавших взрыву вулкана, расположенного на одном из соседствующих с Критом островов. И только любовь к юной художнице Атенаис помогла Даро пережить трагедию, после которой его родной дом оказался в руинах и был засыпан вулканическим пеплом.

ISBN 978-5-4484-7761-4

© Гладкий В. Д., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Об авторе	5
Глава 1. Даро	8
Глава 2. Черная жемчужина	19
Глава 3. Жертвы Минотавра	28
Глава 4. Опасное развлечение	35
Глава 5. Атенаис	41
Глава 6. Диктейская пещера	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Виталий Гладкий

Колыбель богов

Об авторе

Виталий Дмитриевич Гладкий родился 26 апреля 1947 года в селе Ярошовка на Сумщине (Украина) в казачьей семье. Он прямой потомок последнего кошевого атамана Задунайской Сечи и наказного атамана Азовского казачества Йосипа Гладкого. Отец, Дмитрий Николаевич, прошел Великую Отечественную войну от ее начала и до Победы. Ранения и перенесенные им тяготы военного времени не дали ему дожить до своего века. Он умер в 1955 году, на тридцать восьмом году жизни, оставив на руках жены, Екатерины Григорьевны, восьмилетнего сына и двухмесячную дочь.

Война вообще оставила на семье В. Гладкого глубокие, кровоточащие зарубки. И не только Вторая мировая, но и Первая, 1914 года. Перед самой революцией в разведывательном поиске погиб прадед, гренадер-пластун, георгиевский кавалер. А в 1945 году погиб дед по материнской линии.

К труду Виталий Дмитриевич приобщился рано. Сначала пас общественное стадо, затем колхозных лошадей, а в двенадцать лет уже работал наравне со взрослыми: косил сено, возил зерно телегами на ток, строил дом и даже был помощником комбайнера.

Учился в основном на «отлично». По окончании восьми классов (1961) поступил в Глинский индустриальный техникум, который окончил спустя пять лет с дипломом техника-горняка. Затем поступил на вечернее отделение Донецкого политехнического института. Защитив диплом, ушел в армию. Служил авиационным техником в Красноярском крае.

Отслужив свой срок, вернулся в Донецк. В 1973–1978 годах трудился на заводах Донбасса, пока не уехал на Колыму. Кто был на Крайнем Севере, тот никогда не забудет этот период своей жизни. Суровая природа не любит изнеженных обывателей. А Виталий Дмитриевич к таким и не принадлежал, поэтому прижился на Колыме легко и безболезненно. Работал газосварщиком на заводе по ремонту бульдозеров в городе Сусумане, штукатуром-маляром, плотником, бетонщиком, трудился в старательской артели, работал художником-оформителем и охотником-промысловиком. Строил мосты, промышленял белку и горностая, оформлял интерьеры ресторанов и кафе, мыл золото... Пробыл он в районах Крайнего Севера восемь с половиной лет.

Свою писательскую деятельность начал на Колыме в 1979 году. Первый его рассказ назывался «Колымская быль». Он был напечатан в районной газете «Горняк Севера». Позже, уже по приезде домой, в московском издательстве «Молодая гвардия» был издан сборник рассказов В. Гладкого о Крайнем Севере под названием «Жестокая охота». Большей частью это автобиографические повествования о его приключениях в колымской тайге, пропущенные через жернова писательского восприятия. У Виталия Дмитриевича трое детей – сын и две дочери.

В 1980 году в областной газете «Магаданский комсомолец» выходит первая повесть Виталия Дмитриевича под названием «Оборотни», через год там же публикуется повесть «По следу змеи», потом в течение последующих двух лет выходят в свет повести «Плацдарм», «Золотая паутина», роман «Архивных сведений не имеется». Все эти вещи печатались в периодике, в журналах «Искатель», «Советская милиция», в «Воениздате» (серия «Сокол»), в различных сборниках и в дальнем зарубежье. В своих произведениях Виталий Дмитриевич часто описывает единоборства и прочие штуки подобного рода. И это вовсе не случайно. Спорт в юности был частью его жизни. Он занимался боксом, вольной борьбой, каратэ, был хорошим стрелком. Острый, динамичный сюжет и тщательно выписанные характеры героев – главная отличительная черта романов В. Гладкого.

По возвращении из районов Крайнего Севера долгое время возглавлял издательство «Отечество». Виталий Дмитриевич основал всеукраинскую литературную премию имени М. Старицкого за лучший исторический роман. Он и сам лауреат премии имени В. Короленко. Издано свыше пятидесяти романов В. Гладкого, общий тираж которых вышел за пределы 8 миллионов.

Виталия Дмитриевича всегда привлекала историческая тематика. Он является автором трех энциклопедических словарей: «Древний мир» (1997), «Славянский мир» (2001) и «Словарь нумизмата» (2006). Кроме того, им написано девятнадцать исторических и историко-приключенческих романов. И первым из них был «Меч Вайу», роман о скифах, над которым, как ни удивительно, он начал работать в семнадцать лет.

Избранная библиография В. Д. Гладкого:

- «По следу змеи» (1988)
- «Меч Вайу» (1997)
- «Басилевс» (1997)
- «Тайна розенкрейцеров» (2004)

«Ушкуйники» (2012)

«Ассасины» (2012)

«Тень Торквемады» (2012)

*Остров есть Крит среди виноцветного моря,
Тучный, прекрасный, людьми изобильный.
Там девяносто они городов населяют великих;
Разные слышатся там языки...*
«Одиссея», Гомер, VIII в. до н. э.

Глава 1. Даро

Утренняя заря окрасила на востоке полнеба пурпурно-малиновым цветом. Эта красочная картина нарождающегося дня отразилась в спокойных морских водах, и ее огненные отблески разбудили жителей большого острова. У него было несколько наименований – Кефтиу, Кафтор, Каптра, Капгара – но большинство народов Ойкумены¹ называли его Крит. Это название произошло от племени кретов, которое обитало на острове в незапамятные времена.

В столь ранний час, по вымощенной каменными плитами дороге из главной гавани в город Коносо², где находился дворец правителя острова, уже потянулись повозки, запряженные круторогими волами. Животные медлительны, да и грузы тяжелы, – вчерашним днем, ближе к вечеру, прибыли торговые суда из дальнего плавания – поэтому колеса повозок скрипят больше обычного, что совсем не отражается на отличном настроении погонщиков. Несмотря на их низкое общественное положение, им не чуждо понимание прекрасного. Они шагают неспешно, с наслаждением вдыхая свежий утренний воздух и любуясь красотами дивного утра: малиновыми тучами на горизонте, уже обрамленными по краям золотым солнечным ободком, блистающим морем, заснеженными вершинами дальних гор, уже освещенными первыми солнечными лучами.

С каждым часом дорога становится все оживленней и оживленней. В скрип колес тяжело нагруженных повозок вплетается дробный перестук многочисленных копыт – это появился караван осликов с вьюками на спинах. Потянулись на рынок рыбачки, на головах которых каким-то чудом держались большие корзины с утренним уловом – разнообразной рыбой, лангустами и маленькими осьминогами – и утренняя тишина огласилась звонким смехом и женской болтовней. Прошагал, звеня оружием и доспехами, отряд вооруженных воинов, который должен был сменить ночную стражу во дворце правителя Крита.

Но движение по дороге направлено не только в одну сторону. И к гавани идет поток товаров, которыми славится Крит: керамика, изделия из металла, вино, оливковое масло. Большой частью эти товары менялись за морем на медь, олово, слоновую кость, пурпур, страусовые перья для обязательных султанов на шапках придворных, и золото. А еще из Крита вывозили кипарисовые бревна, которые пользовались большим спросом в безлесной Та-Кем³ – Черной Земле. Этого добра на острове хватало, так как его горы были сплошь покрыты дубравами, рощами кипарисов и сосен. Поэтому, едва над горизонтом появился пресветлый лик звездного Адиунского быка (так жители острова называли солнце), к гавани потянулись огромные арбы с длинными стволами кипарисовых деревьев.

В пригороде Коносо не встретишь дворцов и просторных вилл. Большой частью это скромные жилища на пять-шесть небольших помещений, стены которых сложили из кирпича-сырца (только угловые столбы строители вывели из дикого камня – для большей прочности), с глинобитным полом и примитивными плоскими крышами, что вовсе не смущало хозяев, а скорее помогало с комфортом переносить капризы природы. Ведь на прохладной глинобитной крыше очень хорошо спится в ночную пору, когда уйдет дневной зной. Чтобы отдохнуть в светлое время суток, в жаркий полдень на многих крышах устраивали навесы для тени. Собственно говоря, они нужны были и ночью – когда пойдет дождь.

¹ Ойкумена – заселенная земля (др.-греч.); освоенная человечеством часть мира. Термин имеет несколько значений: 1) обитаемая земля; 2) греческая земля – то есть земли, заселенные греческими племенами; 3) земли, известные человечеству в целом.

² Коносо – Кносс; древний город на острове Крит, расположен около современного Ираклиона, в 4 км от моря. В древности имел две гавани.

³ Та-Кем, Кемт, Черная Земля – Нижний и Верхний Египет (др. Египет.).

Двухэтажные дома на окраине встречались редко, в основном это были жилища моряков и ремесленников, более состоятельных, нежели остальной люд пригорода. Тесно прижатые друг к другу, дома образовали узкие кривые улочки, что очень удобно для хозяек – можно поболтать, не заходя к соседке, а просто высунувшись из окошка.

Даро проснулся от того, что в открытое окно его комнаты на втором этаже впорхнула ласточка. Вместо того, чтобы сразу вылететь наружу, она защебетала, а затем выдала такую потрясающе звонкую переливчатую трель, что юноша мигом соскочил с постели. Казалось, что ласточка заглянула в спальню Даро только по одной причине – чтобы разбудить его. Или сообщить важную весть. Но какую именно – хорошую или печальную?

Сон пропал мгновенно. Даро сильно встревожился. Ведь залетевшая в дом птица – примета нехорошая, в большинстве случаев предвещающая скорое известие о смерти близкого человека, к тому же находящегося на большом расстоянии от дома. А отец Даро был кибернетосом – кормчим, и находился в дальнем плавании. Самой зловещей приметой было появление в жилище вороны или воробья. Воробей вообще считался на острове «проклятой» птицей, которая, залетев в дом, могла накликасть смерть близких. Но, с другой стороны, ласточка, влетевшая в окно, обычно приносила хорошие вести, предвещавшие удачу или появление в доме множества гостей. Значит, отец скоро вернется и в доме будет пир по случаю его возвращения?

Ласточка, прощебетав на прощанье, растворилась в оконном проеме, а Даро вспомнил, что сегодня у него важный день. Собственно говоря, новый день начался еще вчера, с закатом солнца, как это было принято на Крите, но ведь темное время суток боги определили для отдыха людей, и юноша воспользовался этой привилегией в полной мере – его сон был крепок и глубок.

Акару, дед Даро, кибернетос в отставке, когда отошел от дел, стал заядлым ловцом жемчуга. Его неожиданное увлечение стало и развлечением, и отличным способом поддерживать свою физическую форму, и возможностью получить неплохой доход, ведь жемчуг ценился очень высоко. Вчера дедушка прислал своего слугу, который сообщил Даро, что хозяин нашел место, потрясающе богатое раковинами-жемчужницами, и если внук пожелает присоединиться к нему, то он будет очень рад.

Даро спустился на первый этаж дома, где находился обеденный зал. Там уже хлопотала рабыня-ахиява⁴ – женщина в годах, которая заменила Даро мать. Рабов на острове было немного – в основном из числа захваченных в плен чужеземцев. Часть из них – в большинстве своем женщины – служила в качестве домашней прислуги, а рабы-мужчины использовались при сооружении дворцов и других крупных построек.

Мать Даро умерла рано – когда ему исполнилось всего четыре года. Ее прекрасный и любимый облик виделся ему далеким, размытым, неясным, словно он всматривался в прошлое через туманную дымку. Отец так и не женился – морскому бродяге просто было недосуг обзаводиться новой женой. К тому же, он очень любил мать и не мыслил себе совместную жизнь с другой женщиной. Конечно же по прибытии из дальнего плавания отец не отказывал себе в маленьких мужских удовольствиях, и Даро это знал, но чужих женщин домой он не приводил, а остальное юношу не волновало.

Жилище Даро было просторным и красивым. Отец был не только всеми уважаемым кибернетосом, но еще и торговцем, поэтому относился к зажиточным жителям Крита. Верхний этаж дома был жилым, а нижний служил хранилищем для продуктов и товаров.

Отец любил комфорт, поэтому внутренне убранство дома он обустроил наилучшим образом. Колонны портика были окрашены в красный цвет, – точь-в-точь как во дворце самого

⁴ Ахиява – ахейка; наряду с ионийцами, дорийцами и эолийцами ахейцы являлись одним из основных древнегреческих племен, при этом наиболее древними.

миноса⁵, правителя острова, стены украшала дивная цветная роспись, полы были не глинобитными, как у многих жителей пригорода, а мозаичными, везде стояли красивые напольные вазы, а на полках радовали глаз чудные кубки на высоких ножках работы местных мастеров, разнообразные чаши, расписные блюда и кратеры⁶, которые отец (его звали Видамаро) привез из-за моря.

По сравнению с другими постройками пригорода, сильно скученными и невзрачными, при доме Даро был разбит сад и цветники, подворье было застелено каменными плитами, а под полосатым холщовым навесом стояла большая бронзовая печь – гордость Видамаро. Такой диковинки не было ни у кого в округе. Видамаро радовался, когда поглядеть на диковинку к нему приходили даже придворные.

Кибернетос выменял печь на изящную тонкостенную расписную посуду (ее делали только гончары Крита) у дардана, торговца далекого Илиона⁷, что само по себе уже было дивом. Дарданы слыли большими гордецами и относились к кефтиу (так жителей Крита называли в Та-Кем, и это название со временем прижилось и среди самих островитян), несмотря на то что они практически владели всей Эгеидой⁸, весьма снисходительно, чтобы не сказать больше.

Они никак не могли понять, почему ни один из городов острова не защищен от врагов мощными укреплениями – такими, как в Илионе. Надменные дарданы, постоянно воюющие с ахейцами, утверждали, что стены вокруг Трои построил сам Посейдон, владыка моря, а бог сияющего света Аполлон в это время пас в горах царских овец. Так это или не так, отец Даро спорить не стал, лишь кивал в знак согласия, чтобы удачно сторговаться.

Внешних врагов на Крите не боялись. Главной защитой острова были не стены и башни, а окружавшие его морские воды, сильный военный флот и хорошо обученные воины, оснащенные первоклассным оружием.

Увидев Даро, служанка (ее звали Мелита) приязненно улыбнулась. Она любила юношу материнской любовью, хотя никогда и никому в этом не признавалась. Даже самой себе. Мелита попала на Крит уже достаточно взрослой и была очень благодарна отцу Даро, который выкупил ее у работоторговца и приставил к хозяйству. Рабынь обычно использовали на тяжелых работах – они занимались шитьем, пряли пряжу, обрабатывали шерсть и лен, притом с раннего утра и до ночи, и относились к ним, как к скоту. А в доме Видамаро она чувствовала себя свободной; собственно говоря, так оно и было – кибернетос в ней души не чаял, так как Мелита заменила его сыну безвременно усопшую мать.

– Поешь... – Мелита поставила на небольшой столик под деревом густую похлебку из чечевицы, в которой плавали кусочки мяса.

– Не хочу, – ответил Даро; обычно с утра у него не было аппетита. – Приготовь мне кусок козьего сыра – того самого, с травками, и налей кувшин вина из амфоры⁹ с нарисованными на ней осьминогами. Я иду к дедушке в Аминисо¹⁰.

⁵ Минос – первый царь Крита, сын Зевса и Европы. С течением времени слово Минос стало означать не собственное имя правителя, а титул.

⁶ Кратер – античный сосуд для смешивания вина с водой.

⁷ Илион – древнее укрепленное поселение в Малой Азии на полуострове Троада у побережья Эгейского моря. Воспет в поэме «Илиада» Гомера. События, описанные Гомером, в нынешнем представлении историков относятся к крито-микенской эпохе и происходили почти на три столетия позже времени, о котором рассказывается в романе.

⁸ Эгеида – часть Восточного Средиземноморья, которая отделяет Грецию, Македонию и Фракию от Малой Азии. С юга Эгеида замыкалась островом Крит. С древних времен она обладала благоприятными условиями для навигации. Бесчисленные острова, которыми усеяно море, служили ориентирами и пристанищами для мореплавателей.

⁹ Амфора – античный керамический сосуд вытянутой или яйцеобразной формы с двумя вертикальными ручками на горле или на плечиках. Кроме керамических, известны амфоры из бронзы, серебра, мрамора, стекла. Глиняные амфоры применялись в основном для транспортировки и хранения оливкового масла или вина. Вторично использовались для захоронений и в качестве урны при голосовании.

¹⁰ Аминисо – древнее критское название Амниса, поселения бронзового века на севере Крита, которое использовалось как порт Кносса.

Сыр с травами на Крите редко кто мог делать. Он считался деликатесом. У Мелиты такой сыр получался отменно вкусным и Даро знал, что для деда он будет лучшим подарком. Как и густое вино многолетней выдержки в небольшой красивой амфоре, на которой были изображены морские глубины с осьминогом и водорослями. Этот сосуд преподнес отцу в знак дружбы Кбид, лучший мастер-вазописец острова.

– Без завтрака я тебя не выпущу! – строго сказала Мелита. – До Аминисо идти далеко, нужны силы.

– Ладно, – нехотя согласился Даро. – Тогда налей мне чашу молока и дай кусок ситоса.

– Хороший мальчик... – с нежностью проворковала служанка.

Она поставила на стол требуемое – кувшин с молоком, удивительной красоты расписную чашу, стенки которой были не толще яичной скорлупы, блюдо с хлебцем-ситосом, испеченным из пшеничной муки – и отправилась выполнять заказ Даро.

Спустя какое-то время он уже спускался по узкой улочке к дороге, которая вела в Аминисо. Возле одного из домов на окраине пригорода нехотая размечтавшийся Даро едва не столкнулся с отцом своего друга Атаном, который держал в руках большую бронзовую пилу. Он шел, о чем-то мрачно размышляя и сосредоточенно глядя себе под ноги, потому что улочка была каменистой и неровной. Видимо, отца Атана, каменных дел мастера, направили вместе с подмастерьями распиливать большие гипсовые глыбы на ровные плиты, которыми мостили площадь перед дворцом, смекнул Даро. А труд этот не из легких, отсюда и скверное настроение отца Атана.

Приближался самый длинный день, летнее солнцестояние, начало нового года (на острове было всего два сезона – лето и зима), и в Коносо намечались большие торжества по случаю «рождения» нового миноса, поэтому дворец и прилегающие к нему территории обустроивались с великим тщанием, так как ожидался большой наплыв гостей, в том числе иноземных. Каждый девятый год своего правления в одно и то же время минос отправлялся к Диктейской пещере, где родился Дивей¹¹ – Отец Дня, бог неба, грома и молний, ведающий всем миром.

Не только жители Крита, но и ахейцы, и дорийцы, а также микенцы считали остров Колыбелью Богов. Ведь кроме Дивея здесь родились многие другие боги: златокудрый сребролукий Фойбос¹², Атана Потиния¹³, богиня-родовспомогательница Эйлития, без которой не могут состояться роды, бог виноделия Дионисос, бог богатства Плутос, благодаря которому Крит процветал, богиня семейного очага и жертвенного огня Гестия, как утверждали ахейцы, основавшая Коносо (на этот счет у жителей острова были свои соображения) ... А еще на Крите бог всего сущего Дивей женился на Рато¹⁴, что тоже добавляло острову святости и значимости.

Минос затворялся в Диктейской пещере на десять дней, при этом он постился, питаясь только сушеными фруктами и запивая их ключевой водой. Только очистив свое тело и свой дух, он мог предстать перед богом, который являлся перед ним на девятый день в виде призрака. Минос получал от Дивея новые законы, которые правитель острова должен был передать людям. Таким образом правитель острова, который был еще и главным жрецом Крита, как бы возрождался, становился новым (вернее, обновленным) богочеловеком; а что это именно так, что минос божественного происхождения, доказывало его общение в Диктейской пещере с Дивеем. Ведь Отец Дня не снисходит до беседы с простыми смертными.

Пока минос находился в Диктейской пещере, по всему острову проходили богослужения и жертвоприношения – в селениях, священных пещерах, на вершинах гор, в священных рощах и молитвенных помещениях дворцов. После возвращения правителя острова в Коносо пред-

¹¹ Дивей – Зевс (крит.).

¹² Фойбос – Аполлон.

¹³ Атана Потиния – Афина.

¹⁴ Рато – Гера (крит.).

полагались жертвоприношения, народные гуляния, пиры, различные игры, процессии и главное – укрощение священного быка.

Жители острова верили, что главная богиня Асираи – Тейе Матере, Матерь Богов – удерживает под землей ревущего и трясущего земной свод быка, в которого превращается разгневанный бог Посейдон. От толчков его рогов и копыт в море поднимаются гигантские волны, извергаются вулканы и раскалывается почва под ногами. Для того чтобы справиться с ним, нужна была сила, получаемая во время различных жертвоприношений и ритуалов, главным из которых считались игры с быком.

Жители Крита жили в вечном ожидании катастрофы. Наверное, именно это обстоятельство придавало им обостренное чувство быстротечности жизни. Для них в мире не было ничего прочного, ничего вечного. Частые землетрясения едва не каждый день напоминали соплеменникам Даро о мимолетности их существования и заставляли еще усерднее молить богов о снисхождении к их грехам и не богоугодным поступкам...

Разминувшись с отцом Атаном, Даро не выдержал и заглянул в его крохотный дворик. Он хотел поприветствовать друга, а то как-то так получилось, что они не виделись несколько дней. Мать Атаном хлопотала у низенького столика, кормя трех малых детей. На завтрак они получили по миске теплой ячменной каши, после которой малышкой ожидало вожаделенное лакомство – сушеные ягоды смоквы.

Даро часто бывал в доме друга, который был обставлен гораздо беднее, нежели его жилище, хотя отец Атаном слыл выдающимся мастером каменных дел и зарабатывал неплохо. Жилище друга состояло из двух комнат – в глубине дома находилась скромная опочивальня отца и матери Атаном, а сразу за входом – просторное помещение для детей.

На половине родителей друга Даро не был, но передняя комната поражала аскетизмом: глинобитный пол, оштукатуренные и окрашенные белой глиной стены, четыре кровати с низкими ножками, в которых матрац заменяла деревянная рама с переплетенными ремнями, под стеной у окна длинная скамья, у стола – несколько табуретов, а в углу – большой деревянный ларь для вещей и посуды, на котором стояла глиняная лампа с оливковым маслом (нередко она горела и днем, потому как в помещении царил полумрак). Инструмент, продукты и вино находились в пристройке.

Атаном сидел под смоковницей – единственным деревом в скромном дворике мастера каменных дел – и с сосредоточенным видом сплетал тетиву. Они были друзьями и одновременно соперниками – и Даро, и Атаном считались лучшими стрелками из лука среди юношей своего возраста (обоим недавно минуло по шестнадцать лет). По случаю праздника должны были состояться состязания лучников, где количество прожитых лет не играло никакой роли, и Атаном, похоже, решил взять главный приз. Еще неизвестно было, что он собой представлял, но его ценность заключалась в том, что стрелок получит приз из рук самого миноса. Ведь не каждый новый год происходит «рождение» правителя Крита.

– Хайре! – поприветствовал Даро своего друга на языке ахейцев, выбрав момент, когда его мать скрылась в доме.

С некоторых пор на острове стали модными иноземные словечки, потому что на Крит все в больших и больших количествах стали приезжать торговцы из Микен и Афин. Кроме того, на острове жили немногочисленные кидоны, предшественники кефтиу, в глубокой древности основавшие город Кидонию, пеласги, карийцы и даже финикийцы. Востроглазому Даро казалось, что ахейцы чересчур любопытны – как лазутчики; они что-то высматривали, везде лазили, считали корабли кефтиу в гаванях, о чем-то расспрашивали моряков, воинов и простолудинов, при этом черкая острым бронзовым стилосом по глиняным табличкам. Но его мнением в этом вопросе никто не заинтересовался, даже отец.

«Это у них в крови, – спокойно разъяснил кибернетос. – Ахейцы – не столько торговцы, сколько морские разбойники и завоеватели. Не будь у нас мощного флота, мы бы уже давно платили им дань».

Речь ахейцев, которая сильно отличалась от языка жителей Крита и благодаря которой могли общаться многие племена на островах Эгеиды, Даро выучил поневоле – благодаря Мелите. Юноша говорил на этом языке так, будто он был его родным, в отличие от Атано, который знал всего несколько наиболее употребляемых среди моряков и торговцев слов.

– Хайре¹⁵, Даро! – ответил Атано, лучезарно улыбаясь.

Они были очень разными – и по характеру, и по внешности. Невысокого роста, широкоплечий, черноволосый, с круглой головой и слегка раскосыми черными глазами Атано, и рослый Даро с узкой талией, благодаря чему он был гибкий, как виноградная лоза, овальным, резко очерченным лицом и длинными волнистыми волосами темно-русого цвета, среди которых встречались более светлые пряди. В его ясных голубых глазах будто плескалось море. Когда Даро гневался, они становились зеленоватыми, точно как море возле берега вечерней порой.

– Надеешься обогатиться, получив первый приз по стрельбе? – с усмешкой спросил Даро, кивком головы указав на великолепный составной лук друга, который был его гордостью.

Он достался Атано даже не от отца или деда, а от прадеда; такова была воля старого воина. Его сильно раздражали мирные профессии детей и внуков, и он питал надежду, что хотя бы правнук пойдет по его доблестной стезе.

– А почему бы и нет? – задиристо ответил Атано.

– Не боишься, что это сделаю я?

– Ха! – воскликнул Атано. – Ничуть! Не спорю, стрелок ты отменный, но мне не ровня. Вот на мечях или в пигмахии¹⁶ я бы не хотел с тобой сразиться. Это безнадежное дело. Ты ведь побеждал даже парней постарше и посильней меня.

Пигмахию лет сто назад завезли на Крит соплеменники Мелиты, поэтому жители острова именовали борьбу в точности как ахейцы.

– Перестань мне льстить! – строго сдвинул густые черные брови Даро и тут же весело рассмеялся. – Ладно, договорились, так и быть, в стрельбе я не стану перебегать тебе дорожку. Гелиайне¹⁷. Извини – тороплюсь...

– Ты куда-то направился?

– В Аминисо, к деду.

– На рыбалку?

– Не совсем. В общем, есть у меня кое-какое дельце... – Даро не хотелось врать другу, но и открыться полностью не имел права, ведь дед предупредил его через слугу, чтобы он лишнего не болтал.

Атано внимательно глянул на него исподлобья и понял, что Даро почему-то хитрит.

– Тогда и я с тобой! – сказал он решительно. – Не возражаешь?

Даро несколько опешил, замаялся, но обидеть друга – это последнее дело, и он решительно ответил:

– Я – нет. А вот как дед отнесется к твоему желанию, сказать не могу.

Акару был упрямым и своенравным человеком. Старый кибернетос долго не хотел передавать дело сыну, и только изрядно пошатнувшееся здоровье – результат тяжелого ранения после встречи с пиратским судном – заставило его отправиться на покой. Но своенравный старик по-прежнему вмешивался в распоряжения Видамаро, чем создавал тому немало

¹⁵ Хайре – радуйся; соответствует нашему приветствию «здравствуй» (др.-греч.).

¹⁶ Пигмахия – кулачный бой у жителей Крита и древних греков.

¹⁷ Гелиайне – будь здоров, прощай.

неудобств. Только с Даро он был мягким и податливым, как воск; дед не чаял души в своем внуке, который внешне был сильно на него похож. Конечно, когда Акару было столько же лет, сколько сейчас Даро.

Атано хорошо был известен строптивый характер старого Акару, тем не менее он с уверенностью сказал:

– Прорвемся! У меня для твоего деда есть чудесный подарок, который согреет ему душу и сделает его более сговорчивым.

– Покажи! – загорелся Даро.

– Э-э нет, пока это тайна, – коварно ухмыльнулся Атано.

Даро только кисло покривился в ответ. Но Атано этого не видел – он побежал в дом, чтобы собраться в дорогу...

Дорога плавно сбегала вниз к гавани, заполненной кораблями. Город-порт Аминисо располагался в устье одноименной реки, воды которой добавляли морю лазури. Холмы полого спускались к ярко-желтому песчаному пляжу. Вдали виднелись высокие горы, над которыми клубились черные тучи и сверкали молнии – там шла гроза. Но небо над городом и море было ясным и безоблачным.

Город, расположенный на невысоком холме, имел мощные улочки, которые шли горизонтальными террасами и были связаны друг с другом лестницами. В дома, поднимающиеся ярусами по склонам холма, с улицы вели ступени. Все строения Аминисо были сложены из скрепленных глиной небольших камней; уж чего-чего, а этого добра в окрестностях города хватало. На вершине самого высокого холма стояла большая вилла правителя Аминисо. Она была окружена деревьями и цветниками, которые радовали глаз своей красочностью и пестротой. Ниже находилась небольшая площадь с жертвенным камнем посередине. К входу в виллу вели ступени, на которых рассаживались старейшины, чтобы обсудить на собрании вместе с правителем насущные дела и проблемы Аминисо. Площадь окружали дома богатых горожан, украшенные и облагороженные не хуже, чем вилла правителя. Только размерами они были поменьше, зато возле каждого дома был разбит фруктовый сад, в тени которого располагались крытые беседки для дневного отдыха и дружеского застолья в узком кругу.

За холмом, до самых гор, виднелась россыпь крохотных селений, окруженных рощами, и серебряной рыбьей чешуей сверкали извилистые ленты горных ручьев, берега которых испещрили красными, розовыми, белыми пятнами цветущие кусты олеандра. На пустошах паслись козы и овцы, а где можно было найти хоть немного плодородной почвы, люди посадили виноградники, оливы, смоковницы и гранаты. Фруктовые деревья и ягодники росли на террасах, каменные ограды с шипами оберегали сады от животных. Но главное – они спасали от отравы длинные светлые гроздья сладкого винограда. В один прекрасный день они превратятся в чудесное огненное вино, которое славилось не только на островах Зеленого моря, но даже в Та-Кем. Лишь бы погода не подвела – чтобы вовремя шли дожди, да северный ветер с моря не дул слишком сильно.

Гавань имела множество причалов, а в ее дальнем конце, под прикрытием холмистой возвышенности, защищавшей от злого северного ветра, находился порт со складами и помещениями для рабов, которые занимались погрузкой-разгрузкой торговых судов. Там же находилась и небольшая верфь, где как раз сооружали боевой корабль.

Даро, навещая деда, обязательно приходил на верфь, чтобы полюбоваться слаженной работой мастеров. Юношу вообще сильно притягивало море и все, что с ним связано; видимо, сказывалась наследственность, ведь в роду Даро все мужчины были моряками. Да и его самого отец обучал профессии кибернетоса; кому-то ведь нужно передать бразды правления семейным предприятием, которое насчитывало несколько больших и малых судов.

Тропис (киль) парусно-гребного корабля – ствол кипариса длиной около пятидесяти локтей¹⁸ – выгибали с помощью веревок. Точно так же поступали и с брусками по обе стороны бортов, но уже в конце строительства. Чтобы нарастить борта, кипарисовые стволы распиливали вдоль, укладывали на землю плоскими сторонами, между ними клали более тонкие, круглые в сечении, сверлили отверстия, пропускали через них веревки и все это вязали к поперечным ребрам. Конечно, в бурлящем море корабль «дышал» и скрипел, зато был юрким, гибким, и никакая волна, даже самая крутая, не могла его сломать. Борта конопатили веревкой, пропитанной варом, – смесью жира и смолы. Этой же смесью промазывали борта, которые потом покрывали тканью с лицевой стороны. Просмоленная ткань хоть и служила недолго, зато не пропускала воды – как человеческая кожа. Парус на мачте, чтобы поймать ветер, поднимали с помощью блоков, скамьи для гребцов тщательно строгали и шлифовали, для кормчего соорудили навес, а на корме рисовали чайку – чтобы корабль летел по волнам, как птица. На парусе обычно изображали Священного Быка, который угрожающе взирал сверху кроваво-красным глазом. Для защиты от волн на многовесельных кораблях борта наращивали решеткой из толстых прутьев, натягивая на них широкие полосы кожи. А еще военные корабли имели тараны – острые клыки на носу, окованные медью.

Как про себя отметил Даро, кроме парусно-гребных кораблей – стремительных эпакирид, в гавани, находились и чисто гребные суда. Они были узкими, очень быстрыми, тоже имели далеко выступающие тараны, и управлялись с помощью двух больших рулевых весел на кормовой площадке. В носовой части гребных судов был сооружен помост, над которым крепились огромные олени рога или клубок искусно раскрашенных змей. Такой корабль с ужасными «украшениями» на носу и кормовой оконечностью в виде хвоста дракона производил впечатление морского чудовища и устрасал врагов.

У причалов стояли и иноземные суда; одно было ахейским, из Афин, а второе принадлежало торговцам Черной Земли. Парусник Та-Кем значительно отличался от парусно-гребных кораблей Крита. Его корпус набрали из узких акациевых досок и для большей жесткости плотно опоясали плетеным канатом. На кормовом помосте Даро насчитал шесть рулевых весел, закрепленных в прочных уключинах, судно имело палубу, на которой лежал запасной якорь (увесистый камень, обвязанный толстой веревкой), на носу были изображены огромные глаза, а на корме – какие-то странные рисунки, явно магические, ведь жрецов Та-Кем, надзиравших за кораблестроителями, считали колдунами.

В отличие от мирного с виду судна Та-Кем, корабль ахейцев явно был предназначен не только для перевозки грузов, но и для морского разбоя. Это была парусно-гребная гемиолия – с двумя мачтами, стремительная и маневренная. Корабль имел два ряда весел, но не по всей длине, а только в наиболее широкой части. Гемиолия тоже имела палубу и трюм, как и судно Та-Кем и, кроме того, ее нос был вооружен мощным тараном.

Отец рассказывал Даро, что в Зеленом море наиболее опасными считаются пираты¹⁹ – ахейцы, потому что уйти от гемиолий очень трудно. Обычно пираты (и не только ахейцы), которых именовали «лейстес», шли под всеми парусами, и одновременно ставили на весла всех гребцов. А перед сражением убрали снасти и часто не укладывали мачту в отведенное для этого гнездо, а рубили ее, чтобы ускорить процесс подготовки к бою и чтобы таким обра-

¹⁸ Локоть – единица измерения длины, не имеющая определенного значения и примерно соответствующая расстоянию от локтевого сустава до конца вытянутого среднего пальца руки. Как мера локоть известен у многих народов древнего мира. Локоть ахейский = 46,3 см, египетский = 45 см, римский – 44,4 см, персидский (царский) = 53,3 см, самосский = 51,8 см (28 пальцев). Здесь указан локоть ахейский.

¹⁹ Пираты – морские (речные) разбойники. Слово «пират» (лат. *pirata*) происходит, в свою очередь, от греч. *πειρατής*, однокоренного со словом *πειράω* («пробовать, испытывать»). Таким образом, пират – это «пытающий счастья», джентльмен удачи. Понятие вошло в прочный обиход в IV–V веках до н.э., а в более ранние времена пиратов называли «лэйстэс».

зом подготовить на палубе побольше места для многочисленной абордажной команды, натиск которой был неуправляем.

Просторный и, по меркам местных жителей, очень богатый дом старого кибернетоса находился неподалеку от берега, на пригорке. Собственно говоря, это был не просто дом, а вилла; конечно, она не входила ни в какое сравнение с виллой правителя Аминисо, но ее внутренне убранство тем не менее поражало человека, впервые переступившего порог жилища Акару. Он был весьма состоятельным человеком и мог себе позволить удобства и радости бытия, присущие знатным людям острова.

Он не согласился остаться в Коносо, когда отошел от дел, и построил себе дом поближе к морю. Дед жаловался, что не может ночью уснуть без шума прибоя, а днем ему и отдых не отдых без гвалта чаек и без созерцания туго натянутых белых парусов, уносящих суда по зеленоватым волнам в дальние края.

– Даро, негодник, я уже заждался тебя! – грозно приветствовал дед своего внука. – Ты должен был прийти до восхода солнца. А солнце вон уже где, висит над горизонтом.

Но тут же заулыбался и ласково обнял его.

– Это тебе, деда, утром не спится, – ответил Даро. – А я едва голову оторвал от постели.

– Молодость... Понятное дело... А это еще кто?! – Старик наконец заметил Атану, и от добродушной улыбки на его загорелом и обветренном лице не осталось и следа, а его глаза – такие же голубые, как у Даро, только слегка поблекшие от прожитых лет, – потемнели и стали ледяными. – Я ведь просил!..

– Дедушка, не ругай меня! – взмолился Даро. – Это мой лучший друг Атану, сын каменных дел мастера, который строил тебе дом. Я не мог отказать ему в просьбе...

– Простите его великодушно, – кланяясь, сказал Атану. – Моя вина... мне так хотелось выйти в море, чтобы порыбачить всласть! Ведь вы самый удачливый рыбак на всем побережье. Все это знают. А это вам... мой подарок.

С этими словами Атану достал из сумки небольшую кипарисовую шкатулку, украшенную искусной резьбой и бронзовыми гвоздиками. Когда он открыл ее, Акару невольно ахнул – внутри, в специальных прорезах, торчали медные рыболовные крючки самых разных размеров.

Подарок и впрямь был богатый и, конечно же, пришелся по душе старику, как Атану и уверял Даро. Для Акару лучшего отдыха, чем рыбная ловля на удочку, нельзя было придумать. А добычу жемчуга он считал тяжелой работой. Собственно говоря, так оно и было.

– Они сделаны мастерами Ортигии²⁰, – снисходительно объяснил Атану.

Даро был удивлен не меньше, чем дед. Он хорошо знал, что умельцы Ортигии делают действительно превосходные крючки; они были очень прочными, не гнулись и не ломались, если попадалась какая-нибудь большая рыба – к примеру, аурата²¹ или туно²².

– Вижу, вижу... – проворчал Акару. – Богатый подарок – крючки эти дорого стоят. Угодил старику... Это ты подсказал ему, как улестить меня? – Дед обернулся к Даро.

– Деда, чтоб мне не видать доброго улова – нет, не я! Просто Атану... очень тебя уважает.

Старик недоверчиво покачал головой, сокрушенно вздохнул и недовольно буркнул себе под нос:

– Окружили, негодники...

– Что ж, берем твоего друга с собой, – сказал он решительно. – Но с одним условием: ты, мальчик, будешь заниматься только рыбной ловлей!

Атану недоуменно вытаращился на старика и проямлил:

– Так я ведь иного и не ждал...

²⁰ Ортигия – древнее название острова Делос.

²¹ Аурата – дорада.

²² Туно – тунец.

Дед остро глянул на внука и, поняв, что тот не проговорился, как он наказывал, многозначительно подмигнул ему. Он был доволен вдвойне: получил такой прекрасный подарок и Даро не подвел его, не выболтал тайну. Впрочем, вскоре она будет раскрыта, ведь Атано глаза не закроешь, но Акару надеялся, что тот не настолько хорошо знает море, чтобы потом показать кому-нибудь заветное место, богатое на раковины-жемчужницы.

– Быстро завтракаем – и поднимаем парус! – сказал Акару.

Юноши поторопились пройти в просторный дворик без крыши внутри дома, где возле небольшого квадратного бассейна уже был накрыт стол. За дорогу они здорово проголодались, поэтому предложение старика было очень кстати.

Дом старого кибернетоса поражал великолепной отделкой. Акару, вечный морской скиталец, за долгие годы скопил много ценностей и на старости лет решил пожить в свое удовольствие и с комфортом. Стены его виллы радовали глаз великолепными росписями, в которых преобладали морские мотивы. Полы комнат и дно бассейна были мозаичными – из разноцветной гальки, на стройных темно-красных колоннах, окружавшие дворик, в верхней и нижней части золотом сияли полированные бронзовые обручи, в доме имелся водопровод и ванна, отделанная разноцветной фаянсовой плиткой, а в дворике стояли огромные расписные вазы, в которых росли цветы.

– Что нам сегодня приготовил мой верный слуга? – задал риторический вопрос Акару. – Конечно же туно, зажаренный на вертеле!

Он мог бы этого и не говорить. Аромат жареной рыбы, едва они вошли в дом, ударил в нос Даро с такой силой, что он даже зажмурился от удовольствия. Дед был еще тем гурманом, любил все самое лучшее, нередко экзотическое, а слуга деда, которого звали Киро, был великим мастером по части приготовления пищи. Прежде чем готовить рыбу, он набивал ее живот различными пахучими травами, солил, а затем, поставив на огонь, поливал смесью вина, гранатового сока и каких-то специй. Рыбье мясо после этого совсем не пахло водорослями и имело отменный вкус.

Завтракали вчетвером; Киро тоже был приглашен за стол. Ему минуло всего тридцать лет, но переделок, в которых побывал слуга Акару, иному человеку хватило бы на долгую жизнь. Киро был моряком, не раз участвовал в сражениях, и однажды его пленили пираты-ахейцы. Ему повезло, что кибернетос пиратского корабля состоял в дружеских отношениях с Акару.

Как-то во время застолья, будучи в гостях у знакомого пирата на Эвбее, где находился крупнейший рынок рабов во всем Критском море (на тот момент ахеец выступал в роли благородного торговца), Акару отметил превосходное качество приготовления пищи, и морской разбойник немедленно представил ему свое бесценное «сокровище» – повара-раба, плененного финикийца, моряка из Ханаана²³, или Страны Пурпура, как называли это богатое государство все мореплаватели.

Неизвестно, что больше понравилось кибернетосу, – поварское мастерство раба, его приятные манеры, в которых не было даже намека на рабскую угодливость и приниженность, или умный взгляд больших черных глаз – но он немедленно взял, что называется, быка за рога. Акару напомнил разбойнику-ахейцу о старом долге, размер которого со временем значительно вырос. И потребовал вернуть его не товарами или медными слитками, которые заменяли деньги, а отдать ему взамен раба-финикийца.

Ахеец даже не сопротивлялся; наоборот – он обрадовался, посчитав, что кефтигу не только сгруппил, но и сильно продешевил. Эка проблема – найти еще одного повара! Стоило только выйти в море на перекрестье морских путей – и его скоростная гемиолия догонит любое

²³ Ханаан – это имя в древности носила собственно Финикия, а в библейские времена – страна, простирающаяся на запад от северо-западной излучины Евфрата и от Иордана до берега Средиземного моря.

торговое судно. А там уж доблестная команда корабля сделает свое дело – ахейцы считались непревзойденными воинами. В Уазит-Ойрет – Очень Зеленем море, как лэйстес переименовали Великое море²⁴, с ними могли тягаться только кефтиу, мореходы Крита. Поэтому ахейцы старались не лезть на рожон и поддерживали с ними пусть и не совсем дружеские, но вполне сносные отношения. Конечно, если случалось застигнуть вдали от берегов одинокое судно Крита (что иногда бывало после сильного шторма, когда высокие волны и ураганный ветер растаскивали суда торгового каравана в разные стороны), ни один из кормчих ахейцев не мог отказать себе в удовольствии взять его на бордаж. Ведь морские скитальцы знали, что товары торговцев-кефтиу представляли для них настоящее сокровище, в особенности замечательное оружие, драгоценные камни для печатей и сосуды из многоцветного мрамора, металла и обожженной глины. А уж серебряные кубки и амфоры, расписанные изображениями рыб, осьминогов, водорослей, зарослей папируса и кратеры на высоких ножках, украшенные рельефными цветами, и вовсе стоили баснословно дорого.

Имя финикийца было чересчур длинным и замысловатым, язык сломаешь – Ашмуназар-сидони-роп²⁵. И Акару назвал его просто Киро, что на языке жителей Крита означало «долг». Повару это было безразлично, в особенности на первых порах; доля раба всегда незаметна и для любого хозяина он значит не больше, чем камешек на дороге. Но когда финикиец понял, что кибернетос-кефтиу не будет ни бить его, ни унижать, а станет относиться почти как к вольному человеку, он начал служить ему не на страх, а на совесть. Спустя какое-то время Акару купил красивую девушку-рабыню, которая стала женой Киро, и тот перестал даже помышлять о возвращении в свой Ханаан.

Даро ел и с удовольствием разглядывал противоположную стену, на которой были искусно нарисованы лилии. Они «вырастали» прямо из пола и казались живыми. Так и хотелось подойти к стене и потрогать их рукой. А уж кувшин с высоким горлом и изящной ручкой, в котором Киро подал вино, и вовсе был прекрасен. Дед привез его из Та-Кем и очень гордился им. Как же – чудо заморское! Белый кувшин был расписан нежно-розовыми изображениями перламутровых ракушек и голубовато-зеленых диковинных водорослей – так, как это умели делать только мастера Черной Земли.

С трапезой покончили быстро. Мало того, что юноши были голодны и уминали рыбу так, что за ушами трещало, так еще и Акару, который съел всего лишь небольшой кусочек белого мяса, запив его добрым глотком вина, нетерпеливо подгонял их, напоминая, что до места идти долго, даже под парусом (хвала всем богам, ветер дул попутный!). Ему хотелось поскорее спуститься на дно, чтобы исполнить свое заветное желание – найти большую черную жемчужину, которая стоила целого состояния. Акару почему-то был уверен, что ему будет сопутствовать удача.

Вскоре, нагруженные рыболовецкими снастями, острогами, оружием (луком и длинными кинжалами), веслами, сумкой, в которой лежала еда, и торчало горлышко вместительного кувшина, наполненного вином, они уже шли к причалу. Там, на легкой волне, покачивалась лодка Акару, которую старый кибернетос не мудрствуя лукаво назвал «Таласса» – именем богини моря, которую особо чтит не только ахейцы, но и жители Крита.

Над водой у самого берега висела легкая дымка от испарений, но горизонт был чист, прозрачен и манил к дальним островам, которые хорошо просматривались даже на большом расстоянии. Даро подумал: «Как здорово, что дед пригласил меня выйти в море! Акару конечно же знал, что морское путешествие для внука – лучший подарок».

²⁴ Великое море, Зеленое море, Уазит-Ойрет, Уадж-Ур – Средиземное море. В его пределах выделяют моря: Адриатическое, Балеарское, Ионическое, Лигурийское, Тирренское и Эгейское. К ним нередко добавляют море Сирта, или Ливийское, Левантское и Финикийское моря.

²⁵ Ашмуназар – личное имя, сидони – сидонянин, роп – обитатель райской долины.

Глава 2. Черная жемчужина

Дед держал курс на Диа, который считался островом Дивея, верховного божества многих народов, населявших берега Зеленого моря. Благодаря древней легенде Диа называли еще и Островом Дракона. На нем в большом количестве водились дикие козы кри-кри. Жители Крита едва не обожествляли их, потому что кри-кри вскормили своим молоком Дивея. Даро несколько раз довелось видеть этих очень пугливых коз. Это были грациозные и красивые создания. Кри-кри имели светло-коричневую шерсть, а ноги и мордочка у них была темно-коричневая. Летом шерсть приобретала красноватый оттенок, зимой становилась светло-серой, а вдоль спины кри-кри тянулась черная полоса. Голову самцов, которых называли агриме, украшали два больших загнутых назад рога; самочек именовали «санада».

Даро недоумевал: что им делать на острове? Диа служил перевалочным пунктом для торгового флота. Корабли с заморскими товарами в ненастную пору не входили в порты Крита. Они прятались в тихих бухтах южной части острова от ураганного северного ветра, где их защищали высокие скалы Диа. Во время стоянки судов в том же Аминисо, когда сильно штормило, существовал постоянный риск, что их сорвет с якорей и выбросит на берег. Поэтому торговцы нередко разгружались на Диа, а затем, чтобы не терять драгоценное время, забирали товары и уходили в новое плавание. Когда штормовое ненастье уступало место хорошей погоде, грузы с острова Диа перевозились на Крит в лодках.

Порта как такового на Диа не было, хотя прежде, во времена Миноса, первого правителя Крита, на острове существовала даже верфь. Но теперь там находилось всего несколько причалов, с десятков складов, примерно такое же количество других хозяйских построек, а также дома тех, кто обслуживал порт и маяк – высокую каменную башню. Наверху маяка постоянно горел огонь. Ночью мореплаватели ориентировались на пламя, которое хорошо просматривалось издали, а днем – на столб дыма.

Недоумение Даро понять было легко. Диа, небольшой по размерам остров, напоминающий своей формой кисть руки с пятью пальцами-мысами, которые были обращены на юг, в сторону северного берега Крита. Между мысами находились четыре бухты с такой кристально чистой водой, что дно хорошо просматривалось даже на глубине в сорок локтей. С северной стороны остров не имел больших бухт; берег там был неприветлив и скалист.

Остров напоминал огромный камень, брошенный богами в море. Более-менее пригодной почвы для растений там было немного – в основном красная глина, на которой хорошо рос только невысокий колючий кустарник. Когда-то на Диа произрастали и большие деревья, но они пошли на дрова для маяка, и теперь лишь кое-где торчали чахлые деревца, а топливо привозили из Крита.

Основной достопримечательностью и ценностью острова Диа были огромные моллюски-жемчужницы в виде большого клина, которые назывались «морскими перьями». В длину они вырастали до двух локтей. Жемчуг в полупрозрачной раковине был в основном красноватого и темно-коричневого цвета, но иногда – очень редко – встречались и высоко ценимые черные жемчужины. Характерной особенностью раковины являлось то, что она имела точно такой же цвет, как и заключенная между ее створками драгоценная горошина. Впрочем, жемчуг в раковинах не всегда присутствовал. Но они все равно ценились очень высоко – по другой причине. Конечно же, моллюски собирали и для еды, но главным у них были как раз «перья» – тончайшие нити, которыми раковина крепилась к морскому дну. Они были янтарного цвета, и после сушки на солнце становились золотыми. А уж ценились они и вовсе дороже золота, потому что искусные ткачихи Крита и Та-Кем изготавливали из этих нитей полупрозрачную ткань, которая шла на одежду в основном царствующим особам.

Даже высоко мнящие о себе торговцы далекого Илиона едва не на коленях умоляли продать им это невесомое полотно, которое легко проходило сквозь перстень, иначе при возвращении домой им могло не поздоровиться – царь у них был очень строгим и души не чаял в своей жене, большой моднице. Дарданы платили за ткань из «морских перьев» столько, сколько им говорили, даже не пытаясь торговаться.

Прежде раковин-жемчужниц было много, но теперь в мелководных бухтах южного берега Диа – обычно моллюски предпочитали небольшие глубины, до восьми локтей, – найти их практически невозможно. А уж глубоководная северная сторона острова и вовсе не давала на это никаких надежд. Тем не менее старый кибернетос почему-то обогнул остров и направился к северному берегу, где возвышались одни скалы. На недоуменный взгляд внука дед лишь хитро усмехнулся и сделал успокаивающий жест – мол, скоро сам все поймешь.

Удивительно, но про эту крохотную бухточку на северном берегу Даро понятия не имел, хотя на острове ему уже приходилось бывать, и не раз – здесь очень хорошо ловилась рыба. Притом при любой погоде: в штиль – с рифов на северном берегу, а когда начинало штормить – с противоположной, южной стороны, обращенной к Криту. Бухта была очень хитро расположена – так, что с моря ее не было видно, потому что вход в нее прикрывала скала, торчавшая из воды, и впрямь словно зуб дракона.

– Чудеса... – удивленно сказал Атану, когда лодка уткнулась носом в песчаный пляж. – Никогда бы не подумал, что на северном берегу Диа есть такое укромное местечко!

Как и Даро, он не раз рыбачил на острове с отцом и тоже знал его достаточно хорошо.

– Да уж, чудес здесь хватает... – ответил Акару и многозначительно глянул на внука.

Атану сразу же приготовил удочки, нашел удобное место у выхода из бухты и занялся ловлей рыбы – прежде всего для обеда. А старый кибернетос, чтобы ему и внуку сопутствовала удача, первым делом стал готовиться принести жертву Йашашаламу – «Тому, Кто Дает Благополучие». На Крите это был один из самых почитаемых богов. Обычно ему поклонялись в горных святилищах, где стояли высокие каменные столбы – для возлияний. Акару считал, что именно Йашашаламу помогал ему на жизненном пути, не раз спасая от верной смерти.

Кефтиу, как и ахейцы, поклонялись водоемам, рекам и морям, потому что вода, по их понятиям, божественна. Она была главным источником жизни и бессмертия человека, ибо, омыв его, вода очищала дух и возвращала молодость. Вода – и зеркало, и образец совершенства; ей, всеведущей и всемогущей, жители Крита приносили жертвы и свою любовь.

Даро быстро собрал дрова – в основном сухие ветки кустарника, которые кололись немилосердно, и старик с благоговением достал из корзинки трубку нартекса, в которой тлел священный огонь. Даже в своих дальних путешествиях, наперекор штормам, сырым туманам и дождям, Акару хранил в таких трубках божественный огонь родной земли.

Добыть его непросто, и Даро это знал. Прежде всего, нужно было найти две подходящие палочки – «мужественную» и активную, которая называлась «трепан», и «женственную», полую внутри, которая именовалась «очагом». «Трепан» вращали в ладонях, вертикально вставив в выемку лежащего на земле «очага», внутри которого находились сухие волокна. «Трепан» делали из прочного дерева – крушины или какой-нибудь разновидности раkitника, а для «очага» чаще всего брали нартекс, имеющий внутри волокна, как у бузины. Часть волокон удалялась, чтобы обеспечить свободный доступ воздуха и освободить первый порыв горячего дыхания священного огня. Все это делалось в святилище после принесения жертвы богам. А затем хранящийся в трубке божественный огонь использовали и во время жертвоприношений, и для того, чтобы зажечь домашний очаг.

Жертвоприношение длилось недолго: едва костер загорелся как следует, старый кибернетос плеснул в него немного вина, бросил в огонь створку раковины-жемчужницы – чтобы Йашашаламу точно знал, в каком деле нужна его помощь, и прочитал короткую молитву; длинные молебны знали только жрецы.

– А теперь в воду! – скомандовал Акару, и они сели на весла.

Атано с некоторым удивлением посмотрел в их сторону, он все еще не был посвящен в истинные намерения старика и своего друга – хотел окликнуть, чтобы спросить, куда они направляются, но тут один из поплавок ушел под воду, и он принялся вываживать здоровенную рыбину.

Отмель с жемчужницами находилась под прикрытием рифа. Он защищал ее от волн, которые с грохотом разбивались о камни с северной стороны. Конечно, глубина на отмели была приличной – не менее восьми локтей, но для Даро, превосходного ныряльщика, такое погружение – привычное дело. Собственно говоря, как и для старого Акару, который плавал и нырял, как рыба, несмотря на преклонные годы.

– Ну, я пошел! – сказал Даро, когда прикрепил к поясу вместительную сумку для раковин, привязал ножны с кинжалом к правой ноге – чтобы удобно было им пользоваться, и взял в левую руку острогу-трезубец.

Оружие в этих водах было более чем уместным. Во-первых, воды близ Диа нередко посещала акула-молот, во-вторых, можно наткнуться на змееподобную мурену длиной до восьми локтей с ее острыми загнутыми внутрь зубами и, в-третьих, наступить на ската-хвостокла с его ядовитым шипом, который прятался в песке. Кроме того, были и другие опасности, подстерегающие неопытного ныряльщика: огненные черви, обжигающие, словно пламя костра, огромные осьминоги, способные утащить человека в морские глубины (правда, они встречались в основном в байках рыбаков, нежели на самом деле), ядовитые медузы и морские ежи, которые хоть и не имели яда в своих иголках, но кололись очень больно.

А еще существовала Кето, дочь бога морских глубин и богини земли – отвратительное чудовище, уродливая старуха, воплощающая все ужасы моря. Она сама была страшилищем, и такие же у нее были и дети (по словам ахейцев): морской дракон, жуткая Ехидна, три чудовищные горгоны и сладкоголосые сирены, встреча с которыми для моряков смерти подобна.

– погоди! – остановил дед своего внука.

Он достал из сумки странное приспособление – две прозрачные линзы из горного хрусталя, оправленные бронзовыми кольцами, которые были связаны друг с дружкой и прикреплены к мягким кожаным ободкам.

– Ну-ка, подставь голову, – сказал дед, и недоумевающий Даро исполнил его приказание.

Линзы крепились к голове с помощью широкой ленты, а их кожаные ободки буквально прилипли к лицу.

– Зачем это? – спросил Даро.

– На дне все поймешь, – коротко ответил Акару.

Даро пожал плечами, закрыл ноздри прищепкой из бычьего рога и, взяв груз, камень, привязанный к веревке, один конец которой был привязан к мачте, с удовольствием нырнул в воду, потому что солнце начало припекать. Дед остался в лодке вместе с Киро, который уже начал сооружать легкий навес; старый кибернетос должен был прийти внуку на смену, когда тот устанет. К тому же кто-то обязательно должен наблюдать и за морем, и за ныряльщиком, чтобы вовремя предупредить опасность. Собственно говоря, их было две – самые главные: приближение акулы к ныряльщику, увлеченному поиском раковин, и корабль пиратов, который мог появиться в любой момент.

В последние годы в Зеленом море кроме пиратов-ахейцев и финикийцев стали появляться неведомые племена – чекеры и шекелешы. Их корабли были очень быстры, появлялись неожиданно и так же внезапно исчезали, оставив после себя ограбленные и сгоревшие поселения. Воины неведомого народа были жестоки и всегда сражались до последнего, предпочитая умереть, но не сдаться на милость победителя. Они даже пленных не брали, убивали всех подряд – и молодых, и старых, и детей. Этих морских разбойников побаивались даже кефтиу, мореходы Крита, хотя «народы моря», как их прозвали, в морские сражения вступали редко

и больше по принуждению, из безвыходности, когда невозможно было сбежать, скрыться в морских просторах.

Дивный мир открылся перед Даро. Он даже опешил от неожиданности. Вода была очень прозрачной, но если на глубине обычно все виделось несколько расплывчато, то хрустальные линзы показали ему прекрасную картину подводной жизни, притом настолько ясно и отчетливо, словно это было на поверхности. Даро даже захотелось немедленно всплыть и заорать от восхищения, но камень неумолимо тянул его на дно, сплошь покрытое раковинами-жемчужницами. Ай да дед! Как же он умудрился разведать это поле сокровищ?

До обеда Даро и старый кибернетос трудились в поте лица, который, конечно же, не успевал появляться, как его тут же смывала морская вода. Они брали только большие, «созревшие» раковины-жемчужницы. Вскоре лодка была загружена моллюсками почти по самые борта, и когда солнце стало посередине небесного купола, добытчики оставили свое увлекательное занятие и вернулись в бухту – согласно древнему обычаю промыслять жемчужниц можно было только до обеда.

Несмотря на богатый улов, дед остался недоволен – они слишком поздно прибыли на Диа. – Остаемся здесь на ночь! – заявил он решительно. – И начнем завтра с утра пораньше.

Даро и не подумал возражать. Юноша все еще был под впечатлением волшебных линз; он собирал бы раковины до самого вечера, но знал, что Акару не разрешит. И не только потому, что древний обычай требовал ограничить время добычи моллюска. Просто долгая работа под водой, тем более на большой глубине, – а Даро, в отличие от деда, нырял очень глубоко, – могла повредить здоровью.

Атано уже приготовил рыбную похлебку, а над костром на вертелах скворчали четыре большие кефали. Увидев, чем наполнена лодка, он с обидой глянул на Даро, но промолчал. Атано понимал, что командует здесь Акару, и у его друга нет главного слова.

Отобедав (аппетит у всех оказался отменный, особенно у ныряльщиков), раковины перенесли в тень, и началось главное действие, ради чего и была затеяна поездка на Диа. Для начала все четверо стали ощипывать «перья» раковин – драгоценные волокна, которые сборщики моллюсков старались сохранить, хотя главной их задачей было содержимое внутренней полости жемчужниц. А затем, тая дыхание, Акару стал открывать раковины.

Их улов конечно же можно было назвать неплохим – по количеству но вся проблема заключалась в том, что жемчуг встречался не во всех раковинах. Среди двадцати-тридцати пустых раковин находилась всего лишь одна с драгоценной горошиной.

К огромному разочарованию Даро, больших, особо ценных жемчужин, оказалось мало. И весь жемчуг был красноватого или темно-коричневого цвета. Особенно сильно огорчился дед, это Даро сразу понял, по тому, как тот сдвинул густые седые брови к переносице. Акару жаждал найти черный жемчуг, который был очень редок в этих водах и ценился весьма высоко.

Волокна разложили для просушки, раковины тоже не стали выбрасывать – для отделки дворца миноса требовалось много перламутра, и их можно было выгодно продать. Створки раковин сложили во вместительную корзину, плетенную из лозы, и опустили в воду, чтобы перламутровый слой не потускнел, а сами улеглись в тенечке отдыхать, потому что солнце начало жечь немилосердно. Тени хватило для всех, – Киро натянул большой тент – к тому же подул тихий освежающий ветерок, способствующий приятному послеобеденному сну, и Даро не просто уснул, а провалился в сновидения – морскую бездну, населенную удивительно прекрасными разноцветными рыбками, водорослями и странными невиданными созданиями, похожими на бабочек, затеявшими вокруг него хоровод.

Проснувшись, все подкрепились лепешками и вином, и пока Киро разжигал костер на плоской каменной плите, чтобы использовать ее в качестве сковородки, на которой он намеревался поджарить на ужин моллюсков, Акару, Даро и Атано вышли в море на вечернюю

рыбалку. В это время рыба стремилась к отмелям острова на кормление и улов обещал быть богатым.

Так оно и получилось. Сеть забросили всего четыре раза, и этого оказалось вполне достаточно, чтобы дно лодки покрылось толстым слоем живого серебра. Особенно много поймали крупных морских лещей, белое мясо которых было жирным и очень вкусным. Рыбу определили в сеть, связав ее узлом, и опустили в воду, чтобы она не уснула до возвращения в Аминисо, и присоединились к Киро, который священнодействовал возле костра.

Ужин получился – лучше не придумаешь: испеченное на камне мясо жемчужниц и зажаренные на вертеле лещи. Даро и Атано объелись и их плоские мускулистые животы стали, как у беременных женщин. Акару и более умеренный в еде Киро лишь посмеивались, глядя на юношей. Дед хорошо понимал внука и его друга: несмотря на обилие рыбы в прибрежных водах Крита и на его рынках, не всегда можно было попробовать такие вкусные деликатесы, как мясо морских лещей и моллюски жемчужниц, стоившие дороговато по сравнению с другими дарами моря.

Прохладный тихий вечер опустился на море. Небо с западной стороны окрасилось в пурпур, перемежающийся золотыми полосами, дневная жара уступила место вечерней прохладе, на востоке начали зажигаться первые звезды, в костре потрескивали угольки, разбрызгивая искры, и неумолчный шум прибоя располагал к неторопливой вечерней беседе. Разлегшиеся на все еще теплых камнях юноши внимательно вслушивались в размеренный, несколько надтреснутый голос старого кибернетоса:

– Никто не знает доподлинно, кому первому пришла в голову мысль построить корабль из досок. Мудрецы ахейцев рассказывают, что на корабле в их страну впервые прибыл Данай, сын царя Та-Кем, – Черной Земли, которую они называют Айгюптос. До этого люди передвигались по морю на плотах, изобретенных в Лазурных водах²⁶ царем Эрифрой для плавания между островами. Ахейцы утверждают, что направлять путь по звездам мореплавателей научили финикийцы, не так ли, Киро? Весло изобрели платей²⁷, мачту и горизонтальную перекладину для крепления паруса – великий мастер Дедал²⁸, паруса же придумал его сын Икар. Судно для перевозки конницы первыми построили самосцы, корабль со сплошной палубой – фасосцы, эмболон²⁹ впервые пристроил к носу корабля Пизей, сын Тиррена, а якорь изобрел Эвпалам. Но первое морское сражение дал основатель нашего государства Минос...

– Наш флот – самый сильный! – запальчиво сказал Даро.

Акару в задумчивости покачал головой.

– Власть над миром – власть над морем, – так говорят ахейцы, – сказал он, пристально глядя в огонь, словно увидел там нечто очень интересное. – Флот миноса огромен, но морское могущество Крита не безгранично. Чего стоит одно племя дарданов. Своей колыбелью они считают Крит и у них большой и сильный флот. Род они ведут от Дардана, сына бога Дивея и Электры, а свою столицу Илион они называли в честь Ила – сына Дардана. Их царство простирается от Геллеспонта до реки Каик, власть дарданцев признают все близлежащие острова, в том числе Тенедос (прежде он назывался Фойника) и Лесбос, расположенные на важнейших перекрестках торговых путей. Эти острова стали их крепостями, а жители – пиратами, которые весьма искушены в мореходном деле...

²⁶ Лазурные воды – Красное море.

²⁷ Платей – жители древнегреческого города-государства в Южной Беотии.

²⁸ Дедал – персонаж древнегреческой мифологии, выдающийся художник и инженер, считавшийся изобретателем разных инструментов, а также построивший лабиринт на острове Крит.

²⁹ Эмболон (греч.), ростр (лат. *rostrum*) – таран с металлическим наконечником в носовой части военного корабля. Наряду с основным тараном несколько выше ватерлинии на крупных кораблях имелся малый таран – проэмболон. Обычно он имел форму бараньей, свиной или крокодилийей головы и был расположен над основным тараном. Служил в качестве ограничителя для предотвращения излишнего углубления основного тарана в корпус атакуемого корабля, так как это сильно затруднило бы его извлечение и могло стать причиной гибели корабля нападающих вместе с их жертвой.

Старик подбросил в костер несколько веток, и угасающий костер снова набрал силу.

– Другое племя, которое обзавелось крупным флотом, это лукки – ликийцы, – продолжил свое повествование Акару. – Между прочим, они считают себя родичами дарданцев, а значит, тоже выходцами из Крита. Ликийцы осмеливались нападать даже на Айгюптос, что говорит об их морском могуществе. И безрассудстве – даже минос никогда не сделает такую глупость, потому что корабли Черной Земли хоть и примитивны по сравнению с нашими, но зато очень многочисленны. Они нападают, как свора охотничьих псов на крупного зверя и отбиться от них очень трудно, если не сказать – невозможно. Кстати, флот фараона пополнился и длинными большими кораблями, о чем нам поведал Видамаро... Дальше нужно отметить карийцев, которые участвуют в морских походах на паях с финикийцами, а флот Ханаана за последние десятилетия значительно усилился. Пиратские флоты финикийцев и карийцев уже принудили ликийцев обратиться к менее хлопотным занятиям, нежели морской разбой. Так что тучи над Эгейдой сгущаются, и для Крита могут настать нелегкие времена. Многие зарятся на наши богатства...

Под неторопливый голос деда Даро и уснул. Он спал, как убитый, и когда проснулся, то ему показалось, что прошло всего мгновение с того момента, когда сомкнулись его веки. Рассвет только проклюнулся, а старый кибернетос уже поторапливал молодежь, чтобы Даро и Атано побыстрее справились с завтраком. Что касается Киро, то иногда казалось, будто он вообще питается воздухом; он ел точно так же мало, как и его хозяин, а то и меньше, поэтому по нему можно было изучать строение скелета. Тем не менее финикиец был чрезвычайно вынослив, и сила в его руках была незаурядная.

На этот раз на добычу раковин-жемчужниц отправился и Атано. У него с вечера глаза горели, когда он увидел горсть драгоценных горошин, высившихся горкой на куске белой холстины. Ему очень хотелось понырять, тем более что Акару разрешил ему взять себе несколько жемчужин из тех раковин, которые он поднимет на поверхность. Даро лишь ухмыльнулся, услышав слова деда; он точно знал, что этой милости его друг обязан только своему подарку.

В другом случае дед просто не пустил бы Атано в лодку; Акару, несмотря на внешне мягкий и податливый характер, временами был жестким и требовательным. Ведь под опекой кормчего находится команда корабля, среди которой случаются моряки с неуживчивым характером, бунтари, любители вина, а иногда и просто лентяи. И со всеми нужно справляться, чтобы команда действовала как одно целое, беспрекословно выполняя распоряжения кибернетоса. Даро знал, что несколько раз деду даже приходилось браться за меч, чтобы усмирить особо ретивых и непокорных. Что касается оружия, то с ним Акару управлялся не хуже воинов из охраны дворца, личных телохранителей миноса. Именно он научил Даро многим приемам боя на мечах, а также настоял, чтобы тот ежедневно упражнялся с копьем и в стрельбе из лука. Будущий кибернетос, продолжатель семейного дела, должен быть на голову выше любого из команды корабля, ведь от мастерства во владении оружием могла зависеть продолжительность его жизни. А если учесть, что в море нередко случались встречи с пиратами, то и вовсе понятно стремление деда обучить внука воинскому ремеслу.

Даро нырнул первым. И опять его захватила эйфория, навеянная красотой подводного мира. Будь у него жабры, он оставался бы под водой очень долго, чтобы налюбоваться игрой ярко раскрашенных пестрых рыбок, атакующих здоровенного краба, который вылез из своего убежища, чтобы погреться в первых солнечных лучах, колыханием водорослей – зеленых, синих, оранжевых и даже огромным скатом-хвостоклом, который скользил над самым дном, выбирая место на песке, где бы он мог зарыться поглубже.

Увлеченное созерцание подводной жизни едва не стоило ему жизни. В какой-то момент он вдруг почувствовал безотчетный страх, но предпринимать что-либо уже было поздно. Мимо него вдруг стремительно промелькнула огромная акула-молот и напала на ската-хвостокла,

который тут же ударил ее своим ядовитым шипом. Но этот укол, который был очень опасен, даже смертелен для человека, на акулу не произвел никакого впечатления.

От неожиданности Даро шарахнулся в сторону. Но тут же, мигом сообразив, что немедленно подняться на поверхность – не лучший вариант – мало ли что взбредет в голову хищнице – нырнул на глубину, где торчали каменные зубья, за которыми он и укрылся. Со страхом, смешанным с острым интересом, он наблюдал за действиями акулы. Сначала она прибила ската ко дну мощным ударом головы, а затем прижала его к камням и начала кусать с обеих сторон, что фактически парализовало ее добычу. Затем акула схватила обессилевшего хвостикола в пасть и разорвала его на части быстрыми рывками головы со стороны в сторону.

Даро не волновался, что ему не хватит воздуха до конца трагического представления. Он мог находиться под водой дольше, нежели самые известные ныряльщики Крита. Этому искусству его обучил все тот же Акару. Главное – не поддаваться панике и очень экономно расходовать запас воздуха в легких – расслабиться, и если плыть, то медленно, не делая лишних, ненужных движений, притом стараясь это делать по направлению подводного течения. Кроме того, нужно расширить свое сознание до такой степени, чтобы оно охватывало не только близлежащий участок моря, а все пространство вокруг, даже невидимое, скрывающееся за водной завесой. Тогда появляется иллюзия, что ты постепенно превращаешься в рыбу, и от этого приходит удивительное спокойствие, способствующее долгому пребыванию под водой. А еще дед учил Даро правильному дыханию и заставлял его подолгу бегать, чтобы увеличить объем воздуха в легких.

Акула медленно проплыла над Даро – он уже приготовился встретить ее своим трезубцем – и исчезла, растворилась в зеленом сумраке подводного мира. И только теперь он услышал тревожный стук. Это дед подавал ему знак опасности – он наконец заметил акулый плавник и начал бить под водой колотушкой в специальный медный бубен; похоже, акула до встречи со скатом плыла под водой, прижимаясь поближе ко дну. «Тревожный» бубен был так хитро устроен, что издаваемые им звуки значительно усиливались и были отчетливо слышны на большом расстоянии.

Уже готовясь всплыть на поверхность, он мельком глянул на дно рядом с собой – и обомлел. Там, среди невысоких водорослей стояли, как воины в шеренге, огромные жемчужницы, напоминающие полуоткрытый веер! В этом не было ничего странного и удивительного, вчера Даро мог наблюдать на дне целую армию подобных раковин, да вот только вид у них был несколько необычен; именно о таких жемчужницах мечтал Акару. Они были черного цвета! Это значило, что и жемчуг внутри них тоже черный! Но и это еще не все. Даро уже знал, что драгоценные горошины таятся в раковинах неправильной формы, притом прячущихся в самых глубоких местах. Ракушки с крупным жемчугом обычно искривляются, их створки закрываются не совсем плотно, а на поверхности имеется след в виде веревки, который идет поперек колец роста.

Именно такие жемчужницы прятались за невысокой каменной грядой на приличной глубине, куда Даро нырнул, чтобы спрятался от акулы-молота. Конечно, не все они хранили черные горошины, только одна из шести раковин имела драгоценное вместимое но жемчужниц было много, и Даро не сомневался, что среди них обязательно найдется та, которая порадует старого кибернетоса.

Вынырнув на поверхность, Даро с блаженной улыбкой распластался на воде. Его затащили в лодку, как большую снулую рыбину, потому что юношу совсем покинула силы.

– Живой! – радостно воскликнул изрядно побледневший Акару. – Хвала Йашашаламу! – Он молитвенно сложил руки и поклонился в сторону берега, то есть туда, где находился Крит и главное святилище бога-хранителя. – Все, уходим отсюда! – распорядился старый кибернетос. – Если появилась поблизости акула-молот, жди беды. Как ты себя чувствуешь? – спросил он с неожиданной нежностью в голосе, склоняясь над внуком.

– Превосходно! – бодро ответил Даро. – Но уходить никуда не нужно. Акула уже сожрала большого ската, поэтому вряд ли вернется обратно. Еще поныряем, ведь Адиунский бык только вышел на свое пастбище, и до обеда много времени.

– И не проси, не уговаривай! На этот раз достаточно!

– Деда, а придвинь-ка свое ухо ко мне, я тебе что-то скажу...

– Что ты еще придумал? – с подозрением спросил Акару, но послушно исполнил просьбу внука.

– Под нами целая россыпь черных раковин... – тихо, с заговорщицким видом, молвил Даро.

– Не может быть! – Деда взвился так, будто его кто-то огрел нагайкой, той самой, которую делали из хвоста ядовитого ската.

Таковыми нагайками наказывали предателей и хулителей веры. После двадцати ударов хвостом ската по голой спине преступника (хвост был с зазубринами и достигал трех локтей в длину) она превращалась в сплошную рваную рану. И если после этого человек оставался в живых, значит, наказуемого простили боги, и тогда его отпускали на все четыре стороны, то есть выгоняли с острова. А еще острый шип ската-хвостикола использовали в качестве накопника копья. Встретившись в бою с воином, вооруженным таким копьем, можно было сразу считать себя покойником. Достаточно было небольшой ранки, нанесенной шипом-наконечником в область груди или живота, дабы воин ощутил жгучую и пульсирующую боль. После этого он мог помышлять только об одном – чтобы побыстрее выйти из боя. Но даже если раненый воин становился победителем в схватке, яд делал свое дело неумолимо и непрестанно. Сначала появлялись судороги, затем нарушалось дыхание, раненый начинал бредить, терять сознание и в конечном итоге отправлялся в мир иной. И это если не принимать во внимание обильное кровотечение из раны.

– Еще как может! Поэтому я снова иду вниз, – решительно сказал Даро, поднимаясь. – Только внимательно следите за морем! Деда, по-моему, в этот раз ты дал маху...

– Кгм... – Акару прокашлялся и виновато отвел взгляд в сторону. – М-да... Ну, бывает иногда...

Замечание Даро пришлось кстати – он знал, как уязвить деда. Иначе он уперся бы (мое слово – закон, не подлежащий обсуждению!), и тогда хоть кол ему на голове теши.

Старый кибернетос не мог не отдать должное внуку – тот вошел в воду почти бесшумно, словно ввинтился. Это был известный прием ныряльщиков, которые добывали жемчуг или охотились с острогой, чтобы не привлечь внимания акулы-молота и иметь хороший обзор; других морских хищников они не боялись. Даро было хорошо известно, что такие акулы в основном держатся на небольшой глубине, а это очень опасно для рыбаков и добытчиков жемчуга. Жертва акулы не спасется, даже зарывшись в ил; порой она бросается на вроде бы пустой грунт и торжествующе вытаскивает свою добычу. Акула-молот ощущает малейшее возмущение воды и нападает сразу, не разбирая, кто и что перед ней, хотя зрение у нее гораздо лучше, чем у других акул.

Даро осторожничал, однако его неудержимо влекло к камням, за которыми прятались раковины-жемчужницы. Он держал свой трезубец наготове, чтобы в любой момент поразить хищницу. Конечно, убить острогой огромную рыбину не представлялось возможным, однако ранить ее и отогнать было вполне выполнимой задачей.

Но подводный мир, настолько мог видеть Даро, – а он по-прежнему медленно вращался винтом, чтобы акула не подкралась незаметно – был, как и раньше, красочен и безмятежен, будто и не было трагедии, которая разыгралась совсем недавно. Наконец он снова увидел вожаки черные раковины жемчужниц и немедленно начал «сбор урожая»...

Он никому не позволил собирать найденные им раковины, пока вся поляна, на которой толпились жемчужницы, не опустела. Для этого Даро пришлось нырять девять раз, притом на

большую глубину, потому что дно было с уклоном, и как раз в самом глубоком месте находились поистине гигантские раковины. Даже Атано не смог бы туда донырнуть, а тем более – работать. Его друг был великолепным охотником, но отнюдь не человеком моря. А Даро готовили к морской стихии с младенчества, едва он встал на ноги.

Когда он очутился на берегу, то упал ничком на плоский камень и долго лежал, раскинув руки и прижимаясь всем телом к его горячей поверхности, – старался впитать в себя побольше солнечного тепла, чтобы унять дрожь (вода на глубине была весьма прохладной) и восстановить силы.

– На-ка выпей... – Дед достал серебряную флягу с красивым чеканным рисунком, и плеснул в небольшой бронзовый кубок немного темной густой жидкости. – Это тебя взбодрит.

«Еще бы!» – подумал Даро и невольно вздрогнул от не очень приятного воспоминания. Однажды он уже пробовал этот бодрящий напиток, после чего готов был горы своротить. Но вместо этого затеял борьбу со сверстниками, которая закончилась ссорой, а затем кулачным поединком – он один против троих. И самое главное – ему удалось тогда победить!

Конечно же, дед рассказал, что за сногшибательная жидкость хранится в его заветной фляге. Ее пили танцовщицы, исполнявшие ритуальные танцы. И секрет приготовления этого напитка знали в основном жрицы, посвященные главной богине острова – Асирай или Тейе Матере – Матери Богов. Знал его и старый кибернетос Акару, который поделился этой большой тайной с внуком, взяв с него страшную клятву – не выдавать рецепт никому, даже под пыткой.

Ахейские жрецы, которые привезли рецепт этого напитка на Крит еще при первом правителе, Миносе, называли его «кикеон». Он готовился из ячменя, мяты, пчелиного меда и настоя неких травок в смеси с очень опасными грибами (если, конечно, не знать, как с ними обращаться).

Даро выпил и почувствовал, как по жилам побежал огонь. Теперь он снова был готов нырять до изнеможения, но солнце уже стояло высоко, да и раковин возле камней не осталось. К тому же впереди его ждала увлекательная тайна: что скрывается внутри раковин-жемчужниц?

Как и предполагалось, жемчуг в них был черный, с фиолетовым оттенком и довольно крупный. Естественно, не во всех; многие раковины были пустыми (если не считать мясо моллюска). Дед даже приплясывал от радостного возбуждения и все время бормотал слова благодарственной молитвы Йашашаламу. Но вот Даро взял в руки большую корявую раковину, которую он поднял на поверхность одной из последних, осторожно вскрыл ее... и все ахнули от восхищения!

В ее перламутровой постели почивала огромная жемчужина – абсолютно черная и совершенно правильной сферической формы. На ее влажной поверхности, словно крохотные звездочки в темную безлунную ночь, сверкали блики. Казалось, будто эти огоньки рождаются внутри жемчужины.

Акару от огромного волнения не удержался на ногах и сел – скорее, рухнул на камни рядом с Даро.

– Я знал... – шептал он. – Я всегда знал, что увижу такое чудо!

Что касается Даро и Атано, то в этот момент у них отнялись языки.

Глава 3. Жертвы Минотавра

Даро никак не мог проснуться. Его сон был настолько глубок, что слова Киро взяли в спящем сознании, не добираясь туда, куда нужно. А прикасаться к господину, чтобы потерять его, слуга не имел права. Пришлось ему звать на помощь хозяина. Акару какое-то время любовался безмятежным ликом сонного внука, а затем взял в руки большую раковину какого-то неведомого моллюска, привезенную им из дальних странствий, приложил ее одним концом к губам и с силой подул. Раздался сильный мелодичный звук, в котором слышался и шум моря, и мычанье возбужденного быка, и лвиный рык.

– А, что?! – Даро подхватился и в недоумении уставился на деда. – Что случилось?!

– Адиунский бык уже давно на пастбище, а ты все еще дрыхнешь. Вставай, лежебока! Соверши омовение – и за стол. Сегодня Киро устроил нам настоящий праздник гурмана. А то рыба и мясо моллюсков уже приелись.

Киро и впрямь превзошел самого себя. Ведь событие, которое обязательно нужно было отметить, и впрямь знатное. Черная жемчужина! Сокровище, которому невозможно назначить цены! В принципе, она принадлежала Даро, так как это именно с его легкой руки жемчужина явила свету свое непревзойденное совершенство. Но он сразу преподнес ее деду, ради которого готов был совершить любой подвиг. И уж тем более ему и в голову не пришло предъявлять свои права на жемчужину. Ведь найти ее было мечтой Акару.

Вчера, после обеденного отдыха, они немного позанимались рыбной ловлей – побросали сеть. Занятие было захватывающим: высмотрел в глубине рыбину, а то и рыбью стайку – и сразу же швыряй в воду сеть, отягощенную грузилами, притом так, чтобы она легла ровно, не свернулась и не скомкалась. Кажется, все просто, ан нет, в этом деле нужна недюжинная сноровка. По крайней мере, бросать сеть так ловко, как это делал Киро, не получалось даже у Акару.

Ловля длилась почти до вечера. Она была разрядкой, отдыхом после трудов праведных. Да и результат оказался превосходным – почти все рыбины были большими, одна в одну. А затем Киро и дед подняли парус и лодка взяла курс на Аминисо, благо подул попутный ветер – с севера...

Атано поднялся раньше, чем Даро. Он спал беспокойно, потому что был на седьмом небе от счастья: старый кибернетос разрешил ему взять пять крупных жемчужин! Теперь он сможет купить себе меч, такой же, как у Даро, – длинный ксифос³⁰ из очень прочной бронзы, которым можно достать любого врага с дальней дистанции, не входя с ним в близкое соприкосновение. Поэтому еда его мало интересовала; он, конечно, проголодался, но съел бы с аппетитом все что угодно. Однако, признайся в своей неразборчивости, он сильно обидел бы финикийца, который с трепетом расставлял блюда на столе.

А там действительно было чем порадовать даже самых капризных гурманов. Киро приготовил ягненка, главное блюдо неурочного пира (ведь было всего лишь утро!), особым способом. Сначала он взял из него лучшие части, затем мелко порубил мясо, после чего еще больше измельчил кусочки в ступе, смешал их со специями и вымочил в вине. Затем Киро скатал из полученного мясного теста шарики, нанизал их на вертел и поджарил на углях. К мясу он подал очень вкусный тонкий ситос, испеченный в круглой печи. Это блюдо издавало такие умопомрачительные запахи, что Даро мигом проснулся, хотя даже водные процедуры не смогли избавить его от сонного настроения. Все-таки вчера он здорово вымотался и сильно устал.

³⁰ Ксифос – тонкий обоюдоострый меч минойцев длиной около 80 см. (у греков он короче на 20 см). Острие ярко выраженное, клинок листообразный.

Но на столе были и другие, не менее вкусные, яства: обязательный исалуриа – козий сыр, ароматные соленые маслины – лучше финикийцев на Крите никто не мог их приготовить, сыр-ные медовые пирожки, жаренные улитки в винном соусе (Киро три дня откармливал их мукой, чтобы они очистились), а также по-особому приготовленные осьминоги с зеленью и мягким сыром. И все эти творения поварского таланта финикийца были приготовлены с ароматными горными травами. Киро знал, когда нужно идти в горы, чтобы сделать заготовки растений, которые не только улучшали вкус пищи, но еще и обладали чудодейственной силой в сочетании с другими составляющими, употребляемыми при готовке. Поев, Даро и впрямь ощутил прилив сил; а про настроение и говорить не стоило – оно было великолепным.

Конечно, кроме яств на столе присутствовало замечательное выдержанное вино, а еще разные сладости и вяленая викулеа – смоква. Однако на все это у Даро уже не хватило сил.

После завтрака старый кибернетос сказал:

– Сегодня в порту ожидается прибытие кораблей из Микен. Не желаете поглядеть?

– Зачем? – лениво отозвался Даро, который в этот момент мечтал только об одном – прилечь где-нибудь в тенечке. – Суда микенцев по сравнению с нашими быстроходными кораблями – медлительные корыта.

– Хорошо бы с этими «корытами» никогда не сталкиваться в морском бою, – заметил Акару.

– Это почему? – заинтересовался Атано.

– А потому, что команды микенских кораблей более многочисленны, чем у нас. И снаряжение у них отменное: сплошные латы, которые очень нелегко пробить, и большие щиты, закрывающие все тело воина, поэтому стрелы против них бесполезны. К тому же микенцы вооружены длинными тяжелыми копьями; обычно они сражаются ими с колесниц, но и на море находят применение. Но у микенцев кроме эмболона есть еще и особое корабельное оружие – огромное толстое копье-таран длиной больше двадцати локтей с массивным бронзовым наконечником. Оно подвешено на мачте и во время сражения его раскачивают несколько воинов. Попадание под его удар смерти подобно. Копье-таран может нанизать, как на вертел, двух воинов в латах, будто воины закованы не в металл, а одеты лишь в одни набедренные повязки.

– Интересно... – буркнул Даро. – Но длинные тяжелые копья я уже видел.

– Где? – спросил Атано.

– Во дворце. Недавно там появился отряд чернокожих воинов из страны Нуб³¹, и у них очень длинные копья с наконечниками, похожими на мечи. Миносу не очень-то нубийцы и нужны – у него хорошо вымуштрованной дворцовой стражи вполне хватает. Чернокожие воины – каждый из них просто огромного роста! – ему понадобились только для того, чтобы показать свое величие и пустить пыль в глаза иноземным гостям, как мне объяснил отец. А еще, чтобы уязвить послов Черной Земли, которая постоянно воюет со страной Нуб – из-за того, что там много золота.

– Минос молод, но умен, – с восхищением сказал старый кибернетос. – Охраной из нубийцев он хочет показать посланцам Та-Кем, что мирным путем можно достичь гораздо большего, нежели силой оружия. К тому же фараону Айгюптоса сейчас не до походов на страну Нуб. У него появились другие, более серьезные, заботы – на Айгюптос стали нападать хетты³².

Атано ничуть не удивился столь детальными сведениями из жизни дворца, скрытой от глаз непосвященных, которыми располагали Акару и его друг. Корабли Крита, благодаря своим кормчим с их большими познаниями в судовождении и ориентированию по звездам, могли

³¹ Нуб, Нубия – историческая область в долине Нила, между первым и шестым порогами – севернее суданской столицы Хартума и южнее Асуана в Египте. Видимо, название происходит от древнеегипетского слова «nub» – золото.

³² Хетты – индоевропейский народ бронзового века, обитавший в Малой Азии, где основали Хеттское царство (Хатти). Хетты изобрели боевые колесницы. Они владели секретом производства железа, что, наряду с использованием боевых колесниц, давало им огромное преимущество.

совершать плавания в самые отдаленные края Ойкумены, лежащие даже за ее пределами. Великую тайну знали критские кормчие – в запутанном лабиринте островов, скал и рифов Эгеиды и за ее пределами их корабли вело созвездие Тавроса.

Так на Крите появилось связанное непосредственно с миносом особое сообщество мореходов. Потомственные кибернетосы-кормчие командовали и торговыми судами, и военным флотом. От них во многом зависело не только благополучие правителя острова и его подданных, но также защита Крита от врагов, которые зарились на его сокровища. Кормчие и члены их семей, в отличие от большинства кефтиу, могли свободно перемещаться по дворцу (за исключением покоев миноса, правительницы и еще нескольких мест) по общественным или каким-либо своим делам.

– Тем не менее вам стоило бы пойти в порт, – продолжил Акару. – Сегодня должны прибыть жертвы Минотавра. На этот раз не афиняне, а микенцы.

– О, это действительно интересно! – подхватился Даро. – Я готов!

– Здорово! – просиял Атаню. – Надо бы посмотреть на этих бедолаг.

Он сказал «бедолаг» ради шутки, но в его словах была жестокая правда. Как гласили древние предания, Минотавр был чудовищем с телом человека и головой быка. И жил он в лабиринте на Крите. Его настоящее имя было Астерий, и родился он от жены Миноса, первого правителя острова. Отцом Минотавра был бог моря Посейдон³³, явившийся на землю в образе быка. Лабиринт был настолько сложным, что ни один вошедший туда человек не мог найти выход.

Минос подозревал афинского царя Эгея в убийстве одного из своих сыновей и, чтобы отомстить ему, попросил богов наслать на Афины чуму. Афиняне обратились за советом к оракулу, который поведал им, что эпидемия прекратится только в том случае, если они будут каждый год посылать на съедение Минотавру семь юношей и семь девушек. Царевич Тесей решил спасти афинян от страшного жертвоприношения и уничтожить Минотавра. Он отправился на Крит вместо одного из обреченных. Ариадна, дочь Миноса, влюбилась в Тесея и дала ему клубок красных ниток, чтобы афинянин смог выйти из лабиринта. Тесей победил Минотавра и благополучно выбрался из запутанных ходов подземного жилища человека-зверя.

Так это было или нет, доподлинно никто не знал. Лабиринта на Крите не было, хотя его долго искали, к тому же некоторые жрецы, вопреки древней легенде, утверждали, что быком был Дивей – Отец Дня, бог неба, грома и молний. Но афиняне, а с некоторых пор и другие ахейцы по-прежнему присылали на Крит своих юношей и девушек в качестве жертв Минотавру. На самом деле они должны были подготовиться к таврокатапсии³⁴ (так назывался этот священный обряд), очень опасной игре с особой породой огромных тавросов – быков, выведенных на Крите специально для этих целей.

Длиннорогие пятнистые быки олицетворяли сокрушительного Колебателя Земли, бога моря Посейдона, который ведал всем миром и был главным среди богов, от гнева или милости которого зависело благополучие и жизнь не только кефтиу, но и многих других народов. Мощь грозного животного растрачивалась в борьбе с невероятно быстрыми девушками и юношами, специально подготовленными для сложного ритуала. Критяне верили, что этим отводится гнев бога, медленно и неумолимо зреющий в недрах земли и моря.

Прежде в посылке на Крит юношей и девушек (обычно представителей знатных и богатых родов), которым предстояло быть принесенными в жертву Минотавру, лежала совсем

³³ Посейдон – в древнегреческой мифологии бог морей, один из трех главных богов-олимпийцев вместе с Зевсом и Аидом. В микенскую эпоху именно Посейдон царил над остальными богами, а не Зевс, который тогда считался всего лишь олицетворением грозной бури и богом неба. На Крите Посейдона называли «супругом владычицы».

³⁴ Таврокатапсия – ритуальные прыжки через быка, известные по художественным материалам минойской цивилизации. Этот обряд представлял собой религиозный ритуал, служивший неотъемлемой частью критского культа быка. Со временем он получил распространение и у других народов Средиземного моря.

иная цель. Они просто тренировались перед священными играми, которые проводились в самый длинный день летнего солнцестояния, посвященный Афродите, богине ахейцев, который праздновали многие народы Зеленого моря. В ходе подготовки к ним и во время самих игр атлеты иногда гибли, и чтобы по возможности избежать таких трагедий, их направляли на Крит для обучения, потому что только жрецы кефтиу обладали большими познаниями в чрезвычайно опасном обращении с огромным быком. Обычно по окончании священного ритуала быка приносили в жертву, но это являлось слабым утешением для родителей тех юношей и девушек, которые погибали от его острых рогов.

Однако в этом году должны были прибыть именно жертвы. Ведь в Коносо намечалась большая таврокатапсия по случаю «рождения» миноса. И ахейцы в знак дружбы с жрецом-правителем Крита, военный флот которого был самым сильным в Великом море, отправили для участия в священных играх своих юношей и девушек, тем самым подчеркивая большое уважение к миносу. Отпрыски знатных ахейских семей служили своеобразной оливковой ветвью мира. Но в священных играх могли принимать участие только хорошо подготовленные атлеты; в этом году жребий пал на микенцев.

Акару и юноши собрались быстро, и спустя недолгое время все трое уже подходили к главному причалу Аминисо, украшенному цветочными венками. Встречать корабль микенцев вышли многие жители города, и хотя его еще не видно было даже на горизонте, все волновались так, будто с корабля на причал уже спустили трап.

– Рано пришли... – недовольно пробурчал Даро.

Они с Атаном остались одни, потому что Акару встретился с каким-то своим другом и занялся любимым делом – начал обсуждать достоинства и недостатки кораблей, которые бросили якорь в гавани. Поговорить и впрямь было о чем – пока он вместе с внуком занимался добычей жемчуга, в Аминисо прибыла из дальнего похода флотилия боевых кораблей Крита. Даро и Атаном в восхищении переглянулись: и впрямь, какое великолепное зрелище!

Несколько больших кораблей были вполне обычными для военного флота миноса – ряд весел с каждого борта, мачта с парусом, носовая фигура в виде льва или быка, там же помещение для кибернетоса, обязательный таран и корма-афластон в виде высоко поднятого змеиного хвоста. Но два корабля оказались новой постройки – двухмачтовые пентеконтеры; прежде Даро видеть такие не доводилось.

Два ряда весел, большой квадратный парус-гистион и вспомогательный треугольный острый эмболон, обитый медью и похожий на звериный клык, и высокая узкая постройка из досок, которая тянулась от носа до кормы. Первый ряд гребцов находился снаружи постройки (можно даже сказать, крепости), а второй – внутри. В ее средней части были прорезаны бойницы для лучников, а на верхней палубе, судя по вооружению, находились копейщики и пращники – с высоты очень удобно бросать во вражеских воинов короткие толстые копья, обладающие большой пробивной силой, и камни. Свои щиты воины закрепили вдоль верхней части постройки – чтобы они всегда были под рукой и чтобы палуба во время движения не загромождалась.

И якоря оказались необычными, как подметил Даро. Один из якорей был свободным; его ставили в помощь главному якорю во время сильного волнения на море. Он находился на носу, и Даро смог рассмотреть его во всех подробностях. Якорь, конечно же, сделали из камня, но не бесформенным, а плоским, с тремя отверстиями. В два нижних отверстия были вставлены деревянные кольца, – видимо, они увеличивали удерживающую способность якоря – а в верхнее был заведен канат. Кроме того, верхняя палуба была защищена от непогоды навесом из полосатой ткани, которую поставляли торговцы Черной Земли.

Нужно было отдать должное искусству мастеров, которые строили пентеконтеры. Борта чудо-кораблей украшали резные фигурки богов и богинь Крита и разнообразных морских чудищ, а полосы бронзы, проложенные вдоль бортов, сверкали под солнечными лучами чистым золотом. Пентеконтеры раскрасили яркими красками, но главное – лопасти весел были

гораздо шире обычных, на что сразу обратил внимание Даро, будущий мореплаватель, уже имеющий кое-какие понятия по части кораблестроения. Трудно сказать, настолько быстрым ходом они могли идти благодаря таким веслам, но в том, что эти странные корабли представляли собой грозную силу, Даро не имел ни малейшего сомнения.

– Ух ты! – только и сказал восхищенный Атано, жадно пожирая глазами корабли-крепости.

В ответ Даро лишь ухмыльнулся – не без некоторой снисходительности. Разве может человек суши оценить в полной мере то, что понятно только будущему человеку моря...

Корабли микенцев нарисовались на горизонте совершенно неожиданно. Они так быстро шли, – ветер был попутным, дул с северной стороны, – что вскоре оказались у отведенного им причала, оборудованного для торжественной встречи. Наверное, о том, что прибывают гости, правителю острова доложил «аргус»³⁵, который дежурил в башне, построенной на самом высоком холме. Он должен был неусыпно наблюдать за морем, чтобы не пропустить появления чужеземных торговых кораблей, а главное – вражеского флота.

Если так случалось, он зажигал бочку горючей смеси – древесная смола вперемешку с оливковым маслом и животным жиром. Днем жителям острова о вражеском нападении сообщал густой черный дым, но в отличие от дыма маяка он поднимался к небу не ровным столбом, а клубами, через равные промежутки времени, благодаря хитро устроенной сигнальной емкости. В темное время суток тревожным сигналом был огонь красного цвета – из-за разных добавок в состав горючего вещества.

Правитель Аминисо уже был в годах, но его величавая широкоплечая фигура все еще поражала мощью и тонкой талией; собственно говоря, как и у всех Высших, ведущих свой род от первого Миноса. Одежда, обычная для юношей и мужчин всех сословий, в такой торжественный день ему не приличествовала. Она была очень простой и состояла из кожаного пояса, от которого шел передник, закрывающий бедра. Он надевался таким образом, что спереди ниспадал углом, а его вертикальная кромка шла наискось от бедра к колену другой ноги. Передники для каждодневного ношения делали из ткани с вытканными цветными узорами. У придворных узоры на передниках из очень дорогого виссона³⁶ вышивали золотом, а к поясам приклепывали золотые чеканные пластины.

Хозяин Аминисо надел длинную цветную юбку, а поверх нее – похожее на сетку одеяние из крученых золотых нитей. А еще на нем была красная хлена с вышивкой из очень тонкой шерсти – дорийский³⁷ четырехугольный плат, обернутый вокруг тела и прихваченный на плечах серебряными заколками с драгоценными камнями. Его пальцы были унизаны золотыми кольцами, а на голове высился потрясающе красивый головной убор – высокая шапка с ажурным золотым ободком, украшенная жемчугом и пышными перьями какой-то диковинной птицы из страны Нуб.

Рядом с ним стояла и его жена. Когда-то она была первой красавицей Аминисо, но годы сделали свое дело: посеребрили густые черные волосы, витыми локонами ниспадающие на плечи, и проложили морщинки, которые она тщательно скрыла специальной пастой – под цвет лица. Тем не менее ее фигура все еще была вполне хороша, а то, что должно быть скрыто, замаскировала одежда, – удивительной красоты пеплос – такой же дорийский плат, как у мужа,

³⁵ Аргус, Паноптес – всевидящий. В древнегреческой мифологии многоглазый великан; в переносном смысле – неусыпный страж.

³⁶ Виссон – очень дорогая льняная ткань пурпурного, белого или золотистого цвета. В древности носить сшитую из виссона одежду могли лишь высокопоставленные особы – жрецы, фараоны, аристократы, военная верхушка. Ценили ее не только за красоту, но и за тонкость.

³⁷ Дорийцы, доряне – наряду с ахейцами, ионийцами и эолийцами являлись одним из основных древнегреческих племен. На рубеже XIII–XII веков до н.э. дорийцы в составе других племен (говоривших на западных диалектах) вторглись на территорию Греции и в Пелопоннес, где находились центры микенской цивилизации.

но не из шерсти, а сотканный из «перьев» – тончайших крученых волокон раковин-жемчужниц.

Она уже не могла открыть грудь, как это делали юные женщины из высшего сословия или жрицы Крита, зато ее драгоценностям могла бы позавидовать жена самого миноса. Красивые золотые перстни на пальцах рук работы искуснейших мастеров-ювелиров острова, на шею ожерелье из разноцветных благородных камней – агата, порфира, аметиста, яшмы (на каждом из них были резные изображения божеств и разной морской живности), золотые серьги необычайной красоты, изображающие пчел и медовые соты, а уж застежки пеплоса и вовсе могли свести с ума любую модницу из придворной знати. Они были выполнены из серебра и каждая заключала в ажурном переплетении немислимо большой, красивый и прозрачный драгоценный камень³⁸ бирюзового цвета, явно привезенный из каких-то дальних стран.

Микенцы прибыли на трех кораблях: один был «круглым» – торговым, обладающим большой вместительностью, а остальные два представляли собой боевые гемиолии – почти такие же, как корабль ахейцев, мирно покачивающийся на тихой волне неподалеку от них, за исключением размеров, которые были несколько больше. Но гемиолии микенцев имели на борту то самое копьё-таран, о котором рассказывал Акару.

Сходни на причал опустили только торговцы. На военных кораблях сигнальщик сыграл на авлосе³⁹ общий сбор, и вдоль бортов гемиолий выстроились мрачные, молчаливые и темнотицые воины-микенцы. Они были в бронзовых доспехах с высоким воротом, защищавшим шею, и в шлемах-корусах⁴⁰. В руках микенцы держали мощные копья с наконечниками в виде большого древесного листа.

А затем на берег одна за другой сошли «жертвы» Минотавра – семь юношей и семь девушек чуть старше шестнадцати лет. Все они были хорошо развиты физически, так как для игр с быком требовались не только большая смелость, но и незаурядные акробатические способности.

Конечно же, у себя в Микенах они уже упражнялись с животными, и для поездки на Крит отобрали самых лучших атлетов, но вся проблема заключалась в том, что для таврокатапсии по случаю «рождения» миноса предназначался особый бык – таврос. Таких быков разводили только на Крите. Священный таврос всегда был очень крупным, обладал особой свирепостью и имел огромные рога, за которые удобно хвататься во время смертельно опасной таврокатапсии.

Все микенцы, независимо от пола, были одеты в одежду, которая считалась новинкой – хитоны, подпоясанные простой веревкой. Она была позаимствована у ионийцев и представляла собой рубаху-юбку. Хитоны были серого – траурного – цвета и не подшиты снизу. Такое платье могли носить или рабы, или те, кому предстояло умереть – как «жертвам» Минотавра.

Тем не менее жители Аминисо встретили микенцев приветственными возгласами, надели им на головы цветочные венки, а правитель пригласил их на праздничную трапезу. Что касается вооруженных микенцев, то лишь некоторые из них сошли на берег, да и то под присмотром воинов Крита. Жители острова опасались грубых и жестоких гостей, которые давно зарились на богатства миноса, но флот у них был слаб, поэтому если когда и случались стычки с микенцами, то только в море, ведь пиратствовали обе стороны. Захват чужого судна не считался преступлением и ни в коей мере не отражался на отношениях между двумя государствами. Не можешь постоять за себя, оставайся на суше и паси коз.

– Все, здесь больше смотреть не на что, – несколько разочарованно сказал Даро, когда юные микенцы начали подниматься к вилле правителя Аминисо.

³⁸ Аквамарины; в крито-микенский период добывался только в Африке.

³⁹ Авлос – древнегреческий духовой музыкальный инструмент, далекий предшественник современного гобоя. Это деревянная или костяная трубка с 3–5 отверстиями. К трубке крепился мундштук с тростью.

⁴⁰ Корус – медный шлем с нащечниками и султаном из конских волос. Иногда корусы украшались рогами.

– Пора возвращаться в Коносо, – озабоченно хмурясь, ответил Атано. – Мать, поди, волнуется...

– Но ты ведь сказал ей, куда идешь?

– Сказал. Да вот только я не предполагал, что задержусь.

– Ну что же, тогда уходим...

Даро нахмурился – ему хотелось еще побыть у деда в гостях, но бросать друга нельзя. Неожиданно ему в голову пришла интересная мысль, и он, понизив голос, чтобы Акару не услышал, молвил:

– А не хочешь ли немного развлечься?

– Это как? – заинтересованно спросил Атано; он знал, что его друг – большой выдумщик, с ним никогда не соскучишься.

– Навестим наставника Апикаразоро!

– О-о... – Глаза Атано загорелись, как два уголька в ночи.

И он утвердительно, с радостью кивнул головой.

Глава 4. Опасное развлечение

Жрец-наставник Апикаразоро, управитель Бычьего двора, главной обязанностью которого было поддержание порядка в своем обширном хозяйстве, а также обучение юношей и девушек Крита обращению со священными быками, наблюдал за группой мальчиков, которые развлекались перед началом занятий как могли. Один из них, видимо, самый смелый (и глупый! – сердито подумал жрец; но останавливать его не стал), вошел в загон, где в теничке под небольшим навесом прохлаждался бык-ветеран, обычно использующийся в учебном процессе.

Бык был старым и мудрым; в конечном итоге он понял, что люди не сражаются с ним, а играют и от него требовалось лишь одно – явить им свою неукротимость и свирепость, что с годами давалось все сложнее и сложнее. Наверное, ему очень хотелось понежиться в полном покое и хорошо бы на зеленом лугу, подальше от людей, но его и в достаточно просторном стойле холили и лелеяли, кормили отборной травой и дробленным ячменем и давали пить только чистую, очень вкусную воду из горного источника.

Увидев перед собой маленького человечка, бык поначалу опешил – это что еще за диво?! Какое-то время он задумчиво разглядывал мальчика, а затем презрительно отвернулся от него и продолжил неспешно двигать челюстями, пережевывая охапку свежей травы, которую рабы накосили утром большими серпами. Однако нарушивший его покой маленький человечек был настырным и нахальным. Он начал дразнить быка (скакать, как козленок, блеять, лаять по-собачьи, корчить страшные рожицы), а затем и вовсе совершил недопустимое – взял палку и ткнул ему в нос. Это было самое больное место любого парнокопытного животного, и тут уж бык не вытерпел надругательств над своим достоинством.

Взревев, он выскочил из-под навеса и начал рыть землю огромным копытом. Бык был страшен в гневе, и даже опытный жрец-наставник не мог точно определить, наигранная его ярость или натуральная. Апикаразоро встревожился и уже хотел вмешаться, чтобы предотвратить неизбежную трагедию, – он хорошо понимал состояние быка и видел, что тот и впрямь может натворить бед – но не успел. Маленький наглец начал пританцовывать перед рассерженным быком и размахивать палкой, что и вовсе взбесило животное.

Нагнув голову и выставив вперед свои огромные рога цвета светлого янтаря со спиленными острыми концами, бык ринулся вперед с устрашающей мощью. Казалось, что еще миг, и он просто размажет мальчика по каменистой земле загона. Со стороны могло показаться, что парнишка сильно напуган; он уронил палку и стоял перед быком неподвижно, как истукан, даже не пытаясь отскочить в сторону, убежать или забраться на ограду загона.

Вот бык уже рядом... еще немного – и он подденет мальчика на рога (они хоть и были не востры, но все равно хрупкое тельце могут проткнуть насквозь; что будет дальше, страшно даже представить). Но тут юный храбрец резко упал перед животным на колени, прогнулся назад, и опешивший бык, вместо того чтобы расправиться со своим обидчиком, расставил пошире ноги, дабы не споткнуться о неожиданное препятствие, и по инерции пронесся над ним, как ураган, потому что не мог достать своего обидчика рогами. Мальчик мигом вскочил на ноги, вскинул руки над головой, и от его пронзительного победного клича в ушах жреца зазвенело, тем более что завопили и другие ученики, приветствуя победу своего товарища.

– А помнишь?.. – с легким вздохом сказал Агано.

Он и Даро подошли к загону незаметно для Апикаразоро и наблюдали все увлекательное действие от начала до конца.

– Еще бы, – улыбнувшись, ответил Даро.

Подобные «выступления», конечно же, были запрещены, но мальчики всегда ухитрялись продемонстрировать свою храбрость таким образом. Иногда это кончалось трагически, и тогда родителям говорили, что их дитя забрали к себе боги, что считалось почетным. Тем не менее

ни у кого не было желания попасть на бычьи рога, даже у самых отчаянных. Прежде чем встать перед быком, ученики долго тренировались и уже хорошо знали его повадки.

Конечно же, и Даро, и Атано прошли это испытание. Притом не с быком-ветераном, а с настоящим зверем, которому предстояла таврокатапсия. Это было верхом неблагоразумия, но разве можно ждать от юнцов здравомыслия?

– Кого я вижу! – раздалось рядом. – Неразлучная пара...

Они дружно обернулись и увидели улыбающееся лицо Апикаразоро. Даро и Атано были его лучшими учениками, хотя поначалу они ходили на занятия тайком – родители не пускали. Ведь Даро был единственным наследником Видамаро, и он не хотел рисковать. А отец Атано считал, что каждый должен заниматься своим делом; его сын будет строить дома и работать с камнем, а играть с быками – это обязанность специально обученных танцоров-акробатов, в основном выходцев из высшего сословия, ведь священный ритуал был для них большой честью и шансом занять в будущем высокий пост.

Особенно хорошо все получалось у Даро. Он был настоящим атлетом и, казалось, состоял из одних мышц. Широкоплечий, цепкий, гибкий, как лоза, и потрясающе быстрый, он иногда позволял себе не просто прыжки через быка, когда тот поддевал его рогами, тем самым помогая взмыть в воздух, но и некоторые вольности: катался на животном верхом, бежал рядом, ухватившись за рог, а когда бык делал резкое движение головой, отталкивался от рога одной рукой и, совершив немыслимое сальто, перелетал через животное сбоку.

– Наставник... – радостно выдохнули юноши и низко поклонились жрецу.

– Что вас сюда привело? – полюбопытствовал Апикаразоро. – Впрочем, о чем это я... Никак хотите немного поупражняться? Я не возражаю, бык перед вами, милости прошу...

Юноши потупились. Жрец хитро улыбнулся и продолжил:

– Но вам, как я полагаю, этот старичок не по нутру...

– Именно так, наставник! – сказал Даро. – Нам хотелось бы немного поупражняться с быком, который вскоре предстанет перед глазами миноса. И заодно проверить, так ли он хорош для священных игр. Ведь в этом году они особенные.

Священный ритуал в честь «рождения» правителя острова обычно происходил в его дворце, где находился просторный двор, окруженный многочисленными хаотическими постройками, и имел скамьи для зрителей в несколько ярусов. Дворец миноса изначально носил официальное название Лабрис⁴¹ – в честь Священного Двойного Топора, главным жрецом которого был сам правитель. Но жители острова, а в особенности чужеземцы, со временем начали считать его Лабиринтом – тем местом, где герой Тесей сражался с Минотавром. Действительно, человек, поверхностно знакомый с дворцом, мог запросто в нем заблудиться. Что тогда говорить о тех, кто вошел в него впервые.

Причудливые портики с колоннами, открытые террасы, многочисленные балконы и лоджии, тронный зал, опочивальни миноса и правительницы, жилые комнаты придворных, хозяйственные помещения и казармы дворцовой стражи, коридоры и лестничные переходы, внутренние дворики и световые колодцы – все это было расположено без всякой видимой системы. К тому же дворец приходилось неоднократно восстанавливать и перестраивать после часто происходивших на острове сильных землетрясений.

Новые помещения пристраивались к уже существующим, комнаты как бы нанизывались на нить – одна к другой, образуя длинные ряды-анфилады. Кроме того, во дворце было много разных мастерских и подсобных помещений, а значительная часть нижнего, цокольного, этажа занимали кладовыми, в которых хранились разные товары, вино, оливковое масло, пшеница и

⁴¹ Лабрис – древнегреческий двусторонний боевой или церемониальный топор. Был широко распространен в культуре догреческой минойской цивилизации. В отличие от Ближнего Востока, носительницами минойских лабрисов были не боги и жрецы-мужчины, а исключительно богини и их жрицы.

ячмень в зерновых ямах и другие продукты. Так что дворец миноса, несомненно, представлял собой настоящий Лабиринт, где не хватало только чудовищного Минотавра.

– Что ж, вы были бы достойными напарниками тавроса, назначенного для церемонии... – Темное лицо Апикаразоро снова осветила улыбка; несмотря на свой высокий сан, он всегда относился к своим ученикам благожелательно, с добротой и практически никогда не наказывал их, в отличие от других жрецов меньшего ранга, его помощников. – Идите за мной.

Юноши послушно потопали вслед за жрецом. Апикаразоро когда-то был одним из лучших укротителей диких быков. Ведь для священных игр использовались только животные, выросшие на воле. Жрецы утверждали, что в жилах быка, даже самого мощного и красивого, который родился не на лоне дикой природы, а в загоне, течет кровь раба. Воспитанный с рождения в неволе, среди людей, он не обладал необходимыми для ритуальных игр свирепостью и дикостью.

Пойманных вольных быков укрощали, в какой-то мере обучали, но все равно они оставались дикими и непредсказуемыми, что делало священный ритуал очень зрелищным и нередко кровавым. Обычно жертвам Минотавра категорически запрещалось общение с быком до игр, так как умное животное могло запомнить их, приняв за слуг, которые за ним ухаживали, и если они не дразнили его, не издевались над ним, то потом трудно было возбудить у тавроса желание уничтожить участника ритуала, забодав своими острыми рогами.

Бык был красавцем; юноши ахнули от восхищения, когда он глянул на них своими черными глазищами с фиолетовым оттенком. Его огромные позолоченные рога казались почти таких же размеров, как и те, что были вырублены из камня и окаймляли крышу дворца миноса. Отец рассказывал Даро, что благодаря каменным рогам жрецы-звездочеты каким-то образом вычисляют точную продолжительность солнечного года и затем вносят в календарь необходимые поправки. А еще они предсказывали время солнечных и лунных затмений, что было очень важно для жителей Крита, так как эти явления считались предвестниками несчастий, и в таких случаях следовало совершать особые ритуалы, чтобы отвести беду. Для этого требовались длительные наблюдения, и крыша дворца была самым подходящим местом.

Кроме позолоченных рогов и пеструю шкуру быка уже привели в надлежащий вид – она была тщательно вычищена, вылощена и покрыта специальным составом, поэтому блистала, как слиток серебра. Юноши уныло переглянулись и тяжело завздохали; быка уже подготовили к священному ритуалу, и теперь никто не смел прикоснуться к нему до самых игр. Наблюдавший за ними Апикаразоро лишь мудро усмехнулся; ему была понятна неожиданная печаль его учеников.

– Надеюсь, вам уже все понятно... – сказал он, опуская полог, которым был занавешен со всех сторон загон, где находился бык.

Жрецам были известны случаи, когда таврос, предназначенный для священного ритуала, сходил с ума и становился бешеным и абсолютно неуправляемым. Он мог разнести ограду, которую устанавливали для игр во внутреннем дворе Лабиринта, и тогда зрителям, в основном придворным и прочей знати, оставалось лишь спасаться бегством от разъяренного быка, напоминающего в такие моменты настоящего Минотавра. И причиной этому разору, конечно же, было колдовство или чей-то дурной глаз.

– Но я хочу показать вам еще одного тавроса, – продолжил Апикаразоро. – Это чудесное животное! Он вам понравится. Вот с ним я разрешаю вам немного размяться. Только с шестом!

Юноши оживились; правда, к их радости примешалась малая толика горечи. Конечно же, игры с шестом против быка были гораздо безопасней, нежели настоящее противостояние. Тем не менее и для них требовалась недюжинная сноровка. Это очень непросто – оказаться с глазу на глаз с огромным разъяренным животным, намеревающимся растерзать любого, кто встанет у него на пути. Но выбирать и, тем более, что-либо требовать, не приходилось – за мягкостью Апикаразоро скрывалась непреклонная воля. Он был одним из немногих придворных,

которым позволялось лицезреть миноса, главного жреца государства, которому поклонялись, как божеству. Правитель острова весьма благоволил к его нелегкому труду по приручению диких быков и обучению их для священных игр. Талант Апикаразоро был большой редкостью и ценился он соответственно.

Следующий бык и впрямь был не хуже тавроса, которому предстояло участвовать в священных играх. Только цвет шкуры у него был не светло-коричневый с белыми пятнами, а палевый.

– Можете в нем не сомневаться, – сказал Апикаразоро. – Бык еще молод, но достаточно хорошо обучен. Он вам задаст жару. Соберитесь...

В отличие от ветерана, которому милостиво предоставили просторный загон, молодой бык находился в стойле, где особо не разгуляешься. Перегнать его на огражденную толстыми жердями площадку, где обычно происходили занятия воспитанников Апикаразоро, оказалось нелегкой задачей. Бык упрямо не хотел покидать стойло. Да и с какой стати? Ему недавно засыпали в ясли меру дробленого ячменя, и он с удовольствием предавался чревоугодию, с презрением поглядывая на раба-скотника, который увещевал быка явить милость и последовать туда, куда его хотят загнать.

– Приведите корову! – приказал Апикаразоро.

Молодая красивая коровка, совершенно прелестное животное, подействовала на быка, словно укол копьем. Он дернулся, резко вскинул свою лобастую голову, вооруженную огромными рогами, бросил жевать, заволновался, призывно замычал и отправился за нею вдогонку. Корову завели в ворота тренировочной площадки, а когда там появился бык, ее немедленно убрали – вывели через выход на противоположной стороне. Возмущенный самец заревел и несколько раз боднул прочную калитку.

И тут его окликнул Даро, которому, согласно жребию, выпало первым сразиться с животным. Бык долго не раздумывал. Все еще под влиянием возмущения, что люди так подло его обманули, он ринулся на юношу, который танцевал перед ним обязательный ритуальный танец – своего рода разминка, разогрев мышц перед серьезным, опасным испытанием.

Даро видел, что по обратную сторону ограды уже стоят наготове три младших жреца, помощники Апикаразоро. Если что-то пойдет не так и бык подденет его на рога, они бросятся ему на выручку, чтобы отвлечь животное и утащить Даро с арены. Но он совершенно не сомневался в том, что такая беда с ним никогда не случится; слишком долго и упорно он тренировался в свое время. Все движения Даро были отточены, нервы напряжены до предела, в отличие от расслабленных мышц, готовых в любой момент резко сократиться и отвести его от смертельной опасности.

Бык был совсем близко, когда Даро совершил короткий разбег, оттолкнулся шестом от земли, взмыл в воздух, но вместо того, чтобы перепрыгнуть животное, оказался на его спине. Юноше было зазорно играть в те игры, которыми баловались слабо тренированные ученики Апикаразоро – начинающие.

Даро плотно уселся, вцепился в загривок быка, – начиная от рогов, по всей шее животного шла дорожка из коротких жестких волос, своеобразная грива, – и пошла потеха. Взбесившийся бык пытался сбросить человека на землю; он подкидывал задние ноги так высоко, что другой человек на месте Даро давно бы улетел вперед и попал под копыта. Но юноша держался крепко, как клещ, и благодарил богов, что бык вырос на воле, – у домашних животных гривы на шее не было.

Однако все имеет свое начало и свой конец. Чтобы не доводить быка до состояния полного бешенства, – ведь с ним еще должен был сразиться его друг, – Даро выбрал момент и, совершив головокружительное сальто, оказался на земле позади животного. Бык мигом развернулся (его намерения не вызвали никаких сомнений), но юноша уже взлетел по жердям на

самый верх ограды и, сидя там, запел тягучий незамысловатый мотив, состоящий из нескольких чередующихся звуков.

Это была древняя песнь-молитва – поклонение Минотавру и благодарность быку за то, что тот позволил с ним поиграть. Бык уже был приучен к заунывному мотиву; он только раз ударил рогами в ограду (от чего Даро едва не свалился вниз), а затем поднял голову и посмотрел на юношу со странным удивлением. Видимо, он слышал песнь-молитву только из уст жрецов-укротителей, которые приучали его правильно действовать во время игр, и исполнение ее новым человеком явно озадачило животное.

Вскоре бык успокоился и принялся разгуливать по площадке и обнюхивать ограду, – наверное, пытался понять, куда делась прелестная коровка, – пока на смену Даро не пришел Атано. Тот не стал сильно рисковать и отработал свое время только с шестом. Уж больно бык оказался резвым и непредсказуемым; и то, что прошло у Даро, могло закончиться для него весьма печально. Все-таки наставления Апикаразоро не пропали втуне...

Проводив Атано, уже по пути домой Даро наткнулся на неожиданное препятствие. Десятка два рабов рядом с каменным желобом, по которому во дворец подавалась вода для питья и прочих нужд, в том числе и для смыва нечистот, рыли канаву, куда намеревались положить трубы из обожженной глины. Это было новшество, придуманное новым жрецом-хранителем дворца. Вода в желобах, которая текла с горного источника, засорялась, особенно в зимнее время, когда по острову гуляли сильные ветры, и всем приходилось ее пить. Только миносу и его супруге-правительнице подавали воду в серебряных гидриях⁴², заполнявшихся высоко в горах из священного источника возле пещеры, в которой родился Дивей.

Поэтому было принято решение спрятать воду в трубы и зарыть их на большой глубине; в таком случае вода должна была оставаться чистой и прохладной, что весьма немаловажно жарким летом (некоторые состоятельные жители Крита, в том числе и Акару, давно это сделали). Ведь для того, чтобы остудить воду, требовался лед. За ним приходилось направлять высоко в горы отряды воинов, так как на горных вершинах лед держался почти до самых холодов.

Лазание по горам было предприятием чересчур затратным и опасным, приводило к неоправданным жертвам, поэтому новый жрец-хранитель, который быстро обрел славу весьма рачительного хозяина Лабиринта, решил поломать этот древний обычай. Теперь лед для охлаждения напитков подавали только семье миноса, жрецам и немногим придворным, особо приближенным к сиятельной персоне правителя острова. А другим жильцам Лабиринта оставалось ждать, пока будет проложен подземный водопровод.

В общем, напрямик Даро пройти не удалось, поэтому он направился к дому дальним путем. И увидел процессию жрецов, которые должны были перед «рождением» миноса ходить вокруг дворца, чтобы тем самым призвать божественную магию. Впереди самые уважаемые жрицы Тейе Матере – Матери Богов – несли четыре позолоченных бронзовых лабриса, а молодые жрецы-мужчины хорошо поставленными голосами распевали гимн, посвященный Дивейю-быку:

– Прыгни в наши стада рогатого скота, прыгни в наши прекраснорунные стада овец! Прыгни в наши урожайные поля и наши цветущие избы дома! Прыгни в наши города, в наши мореходные суда, в наших молодых сограждан! Прыгни в наши прославленные законы!..

Даро вспомнил, что процессия обязана обойти Лабиринт четыре раза. Эта цифра для жителей Крита была магической. Они придавали ей очень большое значение. Уж это Даро знал точно, потому что ему как будущему кибернетосу пришлось изучать навигацию и искус-

⁴² Гидрия – керамический или металлический сосуд с двумя горизонтальными и одной вертикальной ручкой между венчиком и пологими плечиками, которые плавно переводят тулово в горло. Гидрии с древнейших времен использовались для переноса и хранения воды. Керамические гидрии, как правило, расписывались художниками-вазописцами.

ство звездочета. Число «четыре» и кратные ему величины лежали в основе деления года на месяцы. Каждый священный цикл состоял из сорока лет по триста шестьдесят шесть дней в каждом году, а двенадцать таких малых циклов составляли Большой цикл Крита. Жрецам и кибернетосам острова был известен не только тропический, но и звездный год, они знали, как движутся планеты и что от этого вечного движения ожидать.

Наблюдения за звездами и знание числового счета позволяли кибернетосам совершать плавание в неразведанные области Ойкумены, расположенные далеко за пределами Эгейского моря⁴³. Даро вдруг с невольным трепетом вспомнил отца; что-то долго его нет. На этот раз Видамаро рискнул отправиться в легендарный Пунт⁴⁴, куда добирались только суда торговцев Та-Кем. Акару отговаривал его от этой чрезвычайно опасной затеи, но сын был не менее упрямым, чем отец, и в конечном итоге старый кибернетос в отчаянии махнул рукой и отправился в горы Дикти, к пещере, где родился Дивей, чтобы помолиться за удачу в этом плавании. При этом он сердито сказал Даро, что в данном случае Йашашаламу его отцу точно не помощник...

Дома изрядно вымотавшийся Даро отказался от еды и, отправившись в свою комнату, уснул, едва его голова оказалась на некоем подобии подушки (ее сделала для юноши заботливая Мелита), хотя вечер еще не наступил. Но даже во сне его не покидало тревожное ощущение какой-то опасности. И она грозила не ему, а отцу.

⁴³ Эгейское море – название моря очень древнее. По одной из версий, Эгейское море было названо в честь греческого города Аегея или же королевы племени амазонок Аегеи, которая, по легенде, утонула в нем. Среди афинян бытовала еще одна легенда о наименовании моря, которая гласила, что Эгей, отец Тесея, бросился в море со скалы и утонул, когда подумал, что его сын погиб. Возможно, название происходит от греческого слова «aiges» (волны), которое использовалось как метафора – «Волнистое море».

⁴⁴ Пунт, Та-Неджер – Земля Богов; территория в Восточной Африке. Торговцы Египта везли из Пунта черное дерево, благовония, в том числе ихмет – ладан, черную краску для глаз, слоновую кость, ручных обезьян, золото, рабов и шкуры неведомых животных. Все это они обменивали на свои товары.

Глава 5. Атенаис

Проснувшись, Даро какое-то время пребывал под впечатлением кошмарного сна, который посетил его под утро, и даже начал думать, не пойти ли ему к жрице, толковательнице сновидений. Но тут же отбросил эту мысль, как ненужную вещь. Для такого дела потребуется жертва Рато – лучше всего какая-нибудь ценность, лично принадлежащая тому человеку, который видел дурной сон (когда сновидения были приятными, никто к жрице не обращался; чего ради?). Конечно, у Даро имелось что положить на алтарь богини, однако он был слишком юн, чтобы напрямую общаться со столь важной персоной. Обычно сны детей и юнцов рассказывали жрице родители, но дед живет далеко от Коносо (правильно истолковать сон можно только сразу после пробуждения, и ни в коем случае не на второй или третий день), а до отца и вовсе не добраться; да и жив ли он?

Но чем особенно хороша юность, так это тем, что все плохое быстро забывается, остается позади, и освободившаяся от дурных мыслей голова наполняется новыми впечатлениями, желаниями и устремлениями. Уже во время завтрака – Мелита приготовила рыбу с овощами и пирог с мягким сыром – он вдруг вспомнил наказ Акару. И его словно обожгло изнутри – Атенаис! Она была дочерью Кбида, мастера-вазописца по прозвищу Кариец.

Собственно говоря, Кбид и в самом деле был карийцем, представителем древнейшего народа, с незапамятных времен населявшего острова Киклад⁴⁵. Карийцы сильно гордились тем, что были выходцами из Крита (как и ликийцы, которые прежде назывались лукки), и жили там до прихода кефтиу, в чем последние сильно сомневались. Главным занятием обитателей малоплодородных островов, скудное богатство которых составляли запасы разных пород строительного камня, рыба и ценные сорта винограда, произрастающие на вулканическом пепле, был морской разбой.

Карийцы были самыми завзятыми пиратами Великого моря. Первому Миносу пришлось приложить немало сил и усердия для того, чтобы очистить Крит и близлежащие острова от этого разбойничьего племени. У карийцев был сильный флот и поначалу они даже были союзниками Миноса, поставляя ему великолепных гребцов и сильных воинов, за что не платили никакой другой дани. Но их разбойничьи привычки в конечном итоге привели к войне.

Длинные корабли воинственных карийцев можно было встретить в любом из морей, составлявших Великое море, или Уадж-Ур, как его называли в Айгюптосе. Во время своих плаваний они чередовали торговлю с пиратскими набегами на ближних и более удаленных соседей. Однажды карийцы попали даже в Черные Земли, куда были занесены бурей во время своих пиратских странствий. С той поры там появились их поселения-колонии. Вместе с ахейцами и финикийцами карийцы служили в наемных войсках египетских фараонов и отличались большой храбростью.

Несмотря на бедность Киклад природными ресурсами, карийцы проявили немало изобретательности и находчивости, сумев с толком и большой прибылью использовать даже то небольшое, что было в их распоряжении, для налаживания торговых сделок с соседними племенами. Карийцы кроме отличного вина, пользующегося большим спросом, продавали вулканическое стекло, великолепный мрамор, другие породы камня, пригодные для всяких ремесленных поделок, и металл – на нескольких островах архипелага добывали медь, серебро и золото.

⁴⁵ Киклады, Кикладские острова (греч. Κυκλάδες – «лежащие кругом») – архипелаг в южной части Эгейского моря. Более 200 островов, образующих несколько вытянутых с северо-запада на юго-восток гирлянд. Они окружали остров Дилос (отсюда и название – «круговые»), имевший в древности огромное культурное и политическое значение для греков и многих других народов Средиземноморья.

Изюминкой карийцев считались изделия, изготовленные из материалов, которыми были богаты Киклады. Они одними из первых в Великом море освоили выплавку и обработку бронзы. Изготовленные ими бронзовые кинжалы, наконечники копий, различные инструменты не уступали лучшим образцам. И все же наиболее ценным и желанным товаром карийцев торговцы племен, населявших берега и острова Великого моря, считали кикладскую керамику. На темную, отливающую металлическим блеском поверхность сосудов наносился резцом оригинальный орнамент, затем рисунок заполнялся белой пастой, после чего сосуд ставился в печь и подвергался обжигу. Кикладские вазы, амфоры, гидрии, кувшины различного назначения торговцы скупали оптом, почти не торгуясь.

Кбид переселился на Крит в молодости. Но уже тогда его мастерство поражало изысканностью и красотой. Со временем он стал одним из лучших мастеров-вазописцев острова и пользовался большим расположением самого миноса. Но, в отличие от многих других ремесленников, снедаемых тщеславием, он не высказал желания поселиться во дворце. Его мастерская стояла на отшибе; Кариец любил свободу и простор – как на своей родине.

И все же главным «произведением» мастера была его дочь Атенаис. Кбид женился на девушке из хорошей семьи коренных островитян, и Атенаис впитала в себе лучшие черты двух народов. Она была гибкая, стройная и быстрая, как настоящая кефтиу, но имела кожу не изысканно беломраморную, покрытую легким загаром, а смуглую – оливковую, которой отличались карийцы. В ее огромных зеленых глазах, быстро меняющих цвет, – от яркой зелени начала лета до темной с рыжинкой, как трава на горных пастбищах в предчувствии приближения зимы, – можно было утонуть. Что, собственно говоря, и случилось с Даро.

Он познакомился с девушкой еще в детстве, когда начал заниматься у Апикаразоро. Девочка приходила вместе с подружками «пообщаться» с быками. Ведь спустя годы некоторым из них предстояло стать жрицами и участвовать в таврокатапсиях – исполнять священные танцы перед разъяренным тавросом, что требовало не только смелости, но и определенной выучки. А часть из них и вовсе должны были исполнять те же акробатические трюки, что и юноши, – прыгать через быка. Именно часть, считанные единицы, потому что девушек берегли и позволяли играть с тавросом только тем, кто мог это делать благодаря своим физическим данным и тренированности.

Атенаис не стала жрицей, хотя и могла бы – с ее-то красотой и грацией... Но отец решил иначе. У Атенаис с детства проявился большой художественный талант к настенной росписи. Особенно хорошо ей удавались изображения женщин и птиц. А еще она помогала отцу расписывать амфоры и пифосы⁴⁶ для Лабиринта, потому что заказов у него было хоть отбавляй: от миноса, придворных, а также от других жителей острова, и не только состоятельных. Многим хотелось иметь изделия прославленного Кариийца, за них часто отдавали последние ценности.

Когда Даро стал постарше, его начало с неистовой силой тянуть к Атенаис. Это было сродни наваждению. Но девушка оказывала ему точно такие знаки внимания, как и другим юношам. То есть относилась по-товарищески, и не более того. Даро весь извелся от ее холодности. Он не знал, с какой стороны подойти к Атенаис, чтобы она соблаговолила хоть немного оттаять и стала уделять ему больше внимания, нежели бездушным глиняным сосудам, приготовленным под роспись, или оштукатуренным стенам Лабиринта – с некоторого времени она расписывала их наравне с признанными мастерами.

Дед заказал Кариийцу две небольшие амфоры для вина. Он был большим любителем и ценителем этого чудесного напитка, дара богов. В его вилле, на первом этаже, находился под-

⁴⁶ Пифос – большой сосуд (мог быть размером с человека и более) для хранения продуктов – зерна, вина, воды, соли, оливкового масла, меда и соленой рыбы. У пифоса могло быть от четырех до шести ручек. Его поверхность могла быть гладкой или украшенной ленточным узором. Пифосы были бежевого, песочного, коричневого и красноватого цвета. На пифосах, выполненных в минойскую эпоху, обычно изображались рыбы.

вал, где рядами стояли пифосы с продуктами (запас на «черный день») и сосуды разных форм и размеров с вином и медом.

– А, сын моего доброго друга Видамаро! – доброжелательно улыбнулся Кариец, заметив Даро, который смущенно переминался с ноги на ногу на пороге его мастерской. – Хайре, Даро!

– Хайре... – Даро низко поклонился.

Поклон этот был необязательным. При всем том сын кибернетоса и сам будущий кормчий в иерархии Крита стоял выше мастера-вазописца, но в данном случае Даро кланялся не ремесленнику, хотя и очень известному мастеру, а отцу Атенаис, возможно, будущему родственнику, на что юноша очень надеялся; правда, без должных на то оснований.

– Зачем пожаловал? – спросил Кбид.

Поприветствовав юношу, он решил, что долг гостеприимства выполнил в полной мере, и вернулся к работе. Мастер расписывал ларнак – терракотовую погребальную урну, своего рода небольшой саркофаг. Он был прямоугольным, длиной чуть более двух локтей, с выпуклой двускатной крышкой, на ножках в виде львиных лап и с боковыми ручками. Кариец работал над росписью с огромным тщанием. Похоже, ларнак предназначался для какой-то очень важной персоны, потому что в росписи присутствовала и позолота.

– Дед заказывал две амфоры...

– Амфоры, амфоры... – пробормотал Кбид. – А, вспомнил! Все верно, Акару просил расписать две амфоры для вина. По-моему, они уже готовы. Ими занималась Атенаис. Если это так, то я дам тебе двух слуг, они помогут доставить амфоры до твоего дома. Заказ уже оплачен, поэтому не вижу никаких препятствий.

И он снова углубился в свое занятие. Даро в некоторой растерянности помолчал, а затем все-таки решился нарушить тишину:

– А где они?

– Амфоры... м-да... где они? – Мастер недовольно наморщил лоб; он не любил, когда его отвлекали от работы. – Зайди вон в ту дверь, там находится хозяйство Атенаис. Скажи, что я распорядился насчет носильщиков.

Обрадованный Даро (ему выпала большая удача – увидеться с Атенаис!), ощущая невольный трепет, отворил дверь следующего помещения, которое было личной мастерской девушки. Он знал, что Атенаис потребовала от отца в категорической форме, чтобы тот выделил ей отдельную комнату для работы. И конечно же Кбид не смог ей отказать. Дочь мастера была увлекающейся натурой, как и сам Кариец, поэтому не терпела присутствия в мастерской посторонних, когда она занималась творчеством.

Из-под ее ловких рук выходили настоящие шедевры, которые особенно нравились правительнице острова. Она была настолько милостива к Атенаис, что возвела ее в придворный сан, и теперь девушка могла беспрепятственно посещать дворец в любое время.

Правда, Даро думал, что таких милостей Атенаис сподобилась лишь по той причине, что заканчивался ремонт личных покоев жены миноса и их нужно было расписать. А кто мог лучше всех это сделать? Только Атенаис. Она подбирала удивительные цвета, живо и ярко изображала природу, животных, и ее росписи стали бы украшением любого дворца.

Конечно же, Атенаис работала. «Кто бы сомневался», – подумал Даро. Высунув от усердия кончик языка, девушка работала над большой амфорой, явно предназначенной для дворца миноса; такие сосуды были очень дорогими. Атенаис уже изобразила пестрого фазана, блистающего всеми цветами радуги, а теперь рисовала кошку, которая подстерегала его, выглядывая из густой травы.

– Кхм! – прокашлялся Даро, дабы обратить на себя внимание.

Девушка недовольно повела плечами (похоже, она хотела сказать «брысь!», словно коту, и ее сдержало только то, что Атенаис пока не видела вошедшего в ее мастерскую; а вдруг это отец?) и нехотя оторвалась от своего занятия.

– Даро?! – Огромные глаза Атенаис округлились от удивления; юноша переступил порог ее мастерской впервые.

Это было непозволительное нахальство, и она уже готова была в сердцах выпроводить его вон, но тут Даро, смекнув, что девушка может ему нагрубить и тогда между ними будет все кончено, быстро выпалил:

– Я пришел забрать заказ! – И добавил извинительным тоном:

– Отец твой прислал...

– Заказ? Заказ... – Атенаис тряхнула головой, отчего ее черные густые волосы рассыпались по спине длинными вьющимися прядями, пытаясь понять, о чем идет речь.

Наконец до нее дошло.

– Амфоры... Да-да, конечно, амфоры! – молвила она с облегчением. – Они уже высохли, стоят вон там, в углу... – Девушка указала направление своим изящным пальчиком, вымазанным в краске.

– Мастер распорядился дать слуг, чтобы они донесли амфоры до моего дома...

– И где они?

Даро развел руками.

– А я откуда знаю? – ответил он виновато.

– Все у вас, мужчин, не так, как у людей! – сердито сказала Атенаис. – Отец распорядился... Некогда мне! Сам найди этих бездельников, приведи их сюда, и уматывайте. У меня работа стоит! Надолго прервусь – и все пойдет насмарку. Краска начнет отслаиваться. Что потом буду делать? А заказ срочный.

– Все, все, ухожу...

Обиженный таким приемом, Даро выскочил из мастерской и отправился искать слуг Кариийца. Юноша уже знал, где они могут находиться. Сзади к мастерской была прилеплена кладовая, в которой хранилась разная дребедень. Ее-то и облюбовали слуги мастера – еще те лентяи.

Вообще-то они были в обучении у Кбида и числились подмастерьями, но к настоящему делу их пока не подпускали. Слуги занимались самыми тяжелыми и неблагодарными работами (от которых постоянно увиливали): перетирали краску курантами⁴⁷, учились наносить на стены известковую штукатурку в семь тонких слоев, добавляя в нее молоко, толченый кирпич и пемзу, причем для верхнего слоя они готовили мраморную крошку, что было очень нелегко, и выглаживали его до блеска.

А еще Кбид учил их готовить разные животные и рыбы клеи и покрывать готовую роспись смесью масла с воском, после чего стену подвергали нагреву и расплавленный воск промакали. Работа эта была трудоемкой и неблагодарной, зато фрески после такой обработки не боялись ни зноя, ни холода, ни высокой влажности.

Все это Даро рассказали год назад подмастерья Кариийца, жалуясь на свою нелегкую судьбину. Любознательный юноша, которому все было интересно и которому хотелось узнать как можно больше о жизни Крита, скрытой от его глаз (особенно он жаждал разобраться в тонкостях ремесла, которым занималась Атенаис, чтобы потом в разговоре с ней не выглядеть тупицей), познакомился с подмастерьями очень просто – угостил их вином Акару. А оно могло развязать языки кому угодно. К тому же подмастерьям было лестно, что сын известного кибернетоса, который в чести у самого миносса, спустился с заоблачных высот в их глиняно-черепяное царство.

⁴⁷ Курант – притертый к каменной плите камень или пест. Служит для очень тонкого растирания красок и связующего в живописи и иконописи, которого не достигнуть в ступке. Также камень вместе с плитой. Крупные куранты делались из камней прочных пород – лабрадор, порфир и т.п. Мелкие – из стекла, агата и металла.

Появление Даро они встретили радостными возгласами; слуги Кбида думали, что юноша и в этот раз пришел не с пустыми руками. И тут же разочарованно завздохали, услышав наказ мастера.

– Чуток погоди, – буркнул недовольно один из них. – Доиграем – и пойдем...

Пришлось Даро присесть на колченогий табурет и стать свидетелем окончания игры, которую называли «петтея». Она была поистине народной; в нее играли и стар и млад. Игровое поле представляло собой квадратную доску, расчерченную на шестьдесят четыре клетки. С одного и другого концов доски устанавливались в ряд друг против друга по восемь керамических кругляшек, которые отличались цветом и оттиснутыми на них изображениями. У одного из подмастерьев на черных кругляшках была изображена голова быка, а у второго – на красных – воин в шлеме. Судя по всему, изображения представляли собой Минотавра и Тесея, хотя оттиски были не очень качественными.

Игроки двигали свои кругляшки только прямо или в стороны; перепрыгивать друг через друга «воинам» не разрешалось. Выигрывал тот, кто первым окружит или уберет кругляшки противника с поля боя. «Воин» считался окруженным, когда ему некуда было двигаться. Его также убирали с доски, когда он попадал в «ворота» между двумя противниками или когда рядом с ним уже находился чужак, а на той же линии с другой стороны на соседнем квадрате появлялся второй «воин» соперника. Однако нельзя было убрать кругляшку соперника, прижав ее своим «воином» к краю доски; обязательно требовались «ворота». Если у игрока оставалась всего одна кругляшка, он проигрывал. И главное: «воины» могли возвращаться назад только тогда, когда дошли до противоположного края доски.

Обычно перед началом «сражения» игроки делали ставки. За каждого убранный с поля боя противника игрок получал от соперника дополнительного «воина». Подсчет сраженных «воинов» производился по окончании игры. Именно этот момент и довелось наблюдать Даро.

Проиграл подмастерье по имени Кеко. Ворча, как старый дед, он нехотя распустил завязки кошелька и отсчитал сопернику десять каменных кружочков с вырезанными на них цифрами. Это были мелкие деньги Крита. В основном их использовали небогатые жители острова для покупки продуктов на местном рынке. У торговцев и знати в ходу были другие деньги: золотые бычьи головы размером с небольшой вяленый плод смоквы и куски меди, напоминающие растянутую шкуру быка, весом в один талантон⁴⁸. На них даже наносили резцами штрихи, чтобы обозначить шерсть животного.

– Что нести, куда идти? – недовольно переспросил Кеко; мыслями он все еще был в игре, которая закончилась для него обидным проигрышем.

Даро ответил на вопрос «страдальца» с искренним сочувствием; «петтея» была очень захватывающей игрой, и проигрыш некоторыми игроками воспринимался как сильная обида и даже личная трагедия. Ведь для успеха в игре требовались быстрый ум и недюжинная смекалка, поэтому проигравший чувствовал себя ущербным; кому понравится, чтобы его считали умственно отсталым? И хотя в «петтею» мог проиграть даже общепризнанный умник, легче ему от этого не становилось.

Подмастерья обернули амфоры в листья винограда, аккуратно уложили их в две корзины и вышли во двор мастерской. А Даро с решительным видом достал из своей набедренной повязки маленькую пиксиду⁴⁹ из самшита и отдал ее Атанаис со словами:

– Это тебе. Подарок...

⁴⁸ Талантон, талант – (греч. *τάλαντον* означает «весь»); единица массы и счетно-денежная единица, использовавшаяся в античные времена в Европе, Передней Азии и Северной Африке. Вес таланта на острове Крит в минойскую эпоху составлял около 29 кг.

⁴⁹ Пиксида – небольшая круглая (изначально самшитовая) коробочка с крышкой для хранения украшений, пряностей, мазей или порошков. Пиксиды также делали из керамики, алебаstra, металла и слоновой кости.

И, как ошпаренный, выскочил из мастерской. Атенаис в недоумении посмотрела ему вслед, затем открыла пиксиду – и невольно вскрикнула от неожиданности и восхищения. Внутри круглой коробочки покоилась великолепная черная жемчужина!

Огромную черную жемчужину и большую часть улова Акару оставил себе, однако и юношам кое-что перепало. Но перед тем, как отправиться домой, Даро набрался смелости и попросил у деда еще одну жемчужину – черную. Старый кибернетос внимательно посмотрел на внука, улыбнулся – он сразу понял, для чего она нужна Даро – и выбрал ему из маленькой кучки черных жемчужин самую красивую.

Атенаис какое-то время любовалась жемчужиной, а затем, словно вспомнив что-то очень важное, выбежала вслед за Даро. Но его уже и след простыл. «Милый, милый Даро... – с нежностью прошептала красавица. – Ты даже не представляешь, как я к тебе отношусь...»

На подходе к дому Даро увидел целую процессию. Он сразу узнал моряков, которые ушли вместе с отцом в плавание. Отец вернулся! Это была первая – радостная – мысль. А вторая ударила по голове, словно обухом, – с отцом случилась какая-то беда! Его несли на носилках четверо дюжих рабов, хотя позади процессии двигалась повозка с сеном, запряженная волами. Видимо, отец был сильно изранен, если не мог передвигаться в повозке даже лежа на мягкой подстилке.

Даро подлетел к носилкам, словно на крыльях, и увидел серое изможденное лицо Видамаро.

– Что с тобой, отец?! – воскликнул юноша.

Видамаро слабо улыбнулся и ответил:

– Ничего такого, что можно назвать непоправимым. Меня ранили в сражении с пиратами. Хайре, сынок! Ну-ну, не вздумай пустить слезу! Ты же мужчина. Прочь печаль! Я пока жив и дома, а значит, боги ко мне по-прежнему милостивы. Немного поваляюсь (это ведь не впервые) – и опять в море. Путешествие в Пунт принесло несомненную удачу, и если бы не морские разбойники...

Отец умолк и закрыл глаза; похоже, ему стало худо. Со двора выскочила Мелита и заохала, запричитала. Видамаро внесли в дом и уложили на постель.

– Беги во дворец и приведи оттуда знающего лекаря! – приказным тоном сказала сильно встревоженная Мелита.

– Кого именно?

– Найди жреца Апикоту. Твой дед говорил, что он лучший лекарь Коносо.

– Уже бегу!

И Даро умчался. Ему очень хотелось поговорить с моряками, которые неприкаянно топтались во дворе, ожидая, пока освободится Мелита, – они точно знали, что служанка угостит их добрым вином. Но ему нужно было торопиться; похоже, отец, хоть и бодрился, пребывал между жизнью и смертью.

Глава 6. Диктейская пещера

Во дворце миноса Даро был несколько раз – с отцом. В детстве его пугала громада Лабиринта: множество двух-, трех- и четырехэтажных зданий, объединенных галереями и запутанными коридорами, ряды огромных колонн, на фоне которых маленький Даро чувствовал себя букашкой, надменные жрецы в своих странных одеяниях, стража, закованная в бронзовые латы с плюмажами на шлемах, потрясающе красивые придворные дамы в ярких пестрых платьях, некоторые с обнаженной грудью... Они даже на знаменитого кибернетоса Видамаро смотрели как на пустое место, а уж представителей более низкого сословия и вовсе не стеснялись, вели себя так, будто их не было рядом. А вокруг Лабиринта – чудесные сады и парки с экзотическими деревьями и растениями, привезенными торговцами в основном из Та-Кем.

Огромный массив дворца был виден издалека. Здания Лабиринта стояли на каменных фундаментах и были сложены из сырцовых кирпичей, скрепленных деревянным каркасом. Их белые стены ярко светились под солнцем, а балконы, портики, открытые лоджии и веранды, украшенные настенной росписью, большие окна, широкие входные лестницы, пандусы, ряды красных колонн и башнеобразные сооружения на крышах всякий раз производили огромное впечатление даже на отца, хотя он видел прекрасные дворцы египетских фараонов и в Лабиринте бывал довольно часто – почти после каждого плавания в дальние страны.

Минос был очень любопытен, и кибернетосу приходилось подолгу рассказывать ему о том, что он видел в своих путешествиях. Все его длинные повествования несколько писцов терпеливо записывали на глиняных табличках, которые потом передавались в хозяйство жреца – хранителя дворца, чтобы по истечении некоторого времени, когда глина хорошо подсохнет, таблички могли прочесть советники миноса и высказать ему свои суждения и рекомендации: с какой страной выгодно торговать, с кем дружить и на кого можно напустить военный флот Крита, чтобы правитель той земли не забывал, чья сила главная в Великом море.

У Лабиринта было несколько входов. Каждый из них имел свое предназначение и предусматривал определенный круг входящих через него лиц. Даро знал это и сразу же направился к боковой лестнице, по обеим сторонам которой располагалась колоннада, поддерживающая крышу. Через этот вход стража обычно пропускала жрецов невысокого ранга, мореплавателей и небогатых торговцев. Ярко-красные колонны покоились на белоснежных пьедесталах, а их капители⁵⁰ были окрашены в черный цвет. Синие архитравы⁵¹ с белой полосой посередине подчеркивали стройность и монументальность колонн, а нарисованные на них священные символы покрывала позолота.

– Ты кто такой? – спросил один из стражей, решительно преграждая юноше путь наверх.

Даро не стал с ним говорить, лишь не без некоторого высокомерия показал знак своего достоинства – кольцо с печатью из оникса, на которой было искусно вырезано изображение корабля и его имя с помощью древнего символа. Подобные печати имели все, кто был вхож во дворец, в том числе и кибернетосы. Они являлись пропуском во дворец. Свое кольцо Даро получил только тогда, когда прошел все науки, полагающиеся кормчему.

Недоверчиво хмыкнув, страж оглядел его с ног до головы, – больно юн для кибернетоса, угадал его мысли Даро, – но промолчал и, почтительно поклонившись, ответил на короткий вопрос, где можно найти жреца Апикоту.

Миновав стражу из четырех воинов в полном боевом облачении, расположившихся в начале лестницы, Даро продолжил подъем, пока не оказался на просторной веранде. С нее открывался чудесный вид на речку, город, обширную равнину за ним и синеющие вдали гор-

⁵⁰ Капитель – венчающая часть колонны.

⁵¹ Архитрав – прямолинейная перекладина, балка, лежащая на капителях колонн.

ные хребты, а также две самые высокие горы – священную Иду, облюбованную богом Дивеем, и Юкту. Но любоваться красотами природы Даро было недосуг. С правой стороны веранды находился новый лестничный марш, более узкий и крутой, чем прежний, но юноша взлетел по нему наверх как на крыльях. Наконец-то он добрался туда, куда ему нужно!

Не задерживаясь, Даро прошел длинный коридор, такой широкий, что по нему можно было проехать повозкой, в которую запряжена пара быков, пересек несколько богато расписанных фресками помещений, поднялся снова по лестнице и наконец оказался во владениях жреца-лекаря, который следил за здоровьем самого миноса.

Помещение, в котором оказался Даро, оказалось достаточно просторным. Оно было сплошь заставлено различными сосудами (конечно же, с лекарственными отварами, настоянками и мазями) – от крохотных ионийских алабастронов⁵², амфорисков⁵³ и арибаллов⁵⁴, до больших микенских лекифов⁵⁵ и критских амфор. Все это многообразие теснилось на полу, на скамьях и в нишах, устроенных в стенах помещения на разной высоте. Жрецы-лекари, кроме своих непосредственных обязанностей по врачеванию больных, были еще и поставщиками мазей, притираний, благовоний и омолаживающих средств для придворных прелестниц и самой правительницы.

Из комнаты хорошо просматривался балкон, на котором в тени были развешаны для просушки связки лекарственных трав и кореньев. В помещении стоял такой густой, терпкий аромат, что Даро невольно чихнул, чем привлек к себе внимание жреца.

Апикота был сухощав, подтянут и носил небольшую пегую бородку. Его хитон темного цвета – длинное (до лодыжек) одеяние по ахейской моде из простой материи, полагающееся жрецам-лекарям, – был подпоясан красным витым шнуром и сколот на плече серебряной пряжкой с изображением головы быка.

Даро почтительно поклонился жрецу, произнес необходимое в таких случаях приветствие и застыл в позе просителя. Негоже было приступать к делу сразу, несмотря на срочность; старший по возрасту и гораздо выше по положению жрец должен был начать разговор первым. Если, конечно, пожелает. А он, судя по хмурому выражению на смуглом лице, не был расположен к общению. Тем более с незнакомым юнцом, который не был придворным и который явился без приглашения. Тогда Даро как бы невзначай положил правую руку на пояс набедренной повязки – чтобы жрец обратил внимание на перстень-печатку.

Его замысел оказался удачным. Глаза почтенного Апикоты все еще были зоркими и он разглядел изображение корабля, вырезанное искусным мастером на красновато-коричневом ониксе.

– Юный кибернетос... – В голосе жреца послышалось удивление. – Чей ты сын?

– Кибернетоса Видамаро, – ответил юноша. – Он тяжело ранен и нуждается в помощи.

Жрец без лишних слов начал собираться. Вскоре они уже шагали по дороге к дому Даро. Юноша тащил на плече тяжелую сумку лекаря с лекарствами, поэтому немолодой лекарь шел быстро.

Отец был без сознания. Бледная, как полотно, Мелита беспомощно толкалась возле ложа хозяина, прикладывая к его горячему лбу кусочки ткани, намоченные в холодной воде. Она напоила Видамаро бодрящим напитком собственного изготовления, – отвар и впрямь обладал целебными свойствами, но толку от этого было немного.

Апикота приказал раздеть кибернетоса и осмотрел рваную рану в боку. Она была нанесена стрелой с тяжелым зазубренным наконечником и, похоже, задела жизненно важные

⁵² Алабастрон – небольшой сосуд для масла и благовоний; мужчины обычно использовали арибалл.

⁵³ Амфориск – миниатюрная амфора для благовоний.

⁵⁴ Арибалл – сосуд для масла, используемый во время гимнастических упражнений. Носился в мешочке за поясом набедренной повязки.

⁵⁵ Лекиф – вместительный сосуд для хранения ароматического масла.

органы. Наверное, рана получилась рваной, когда наконечник стрелы извлекали из тела. Сокрушенно покачивая головой, жрец тщательно очистил рану от запекшейся крови, промыл ее крепкой винной настойкой, сшил края раны суровой ниткой (пребывающий в беспмятстве Видамаро даже не застонал) и наложил повязку с целебной мазью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.